

Концерт Патриции Каас

8. И что дальше
(Под Москвой)

12+

МАРК ВЕВИОРОВСКИЙ

Марк Вевиоровский

**Концерт Патриции Каас. 8.
И что дальше (Под Москвой)**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Вевиоровский М. М.

Концерт Патриции Каас. 8. И что дальше (Под Москвой) /
М. М. Вевиоровский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В книге вы встретитесь с обыкновенными и неординарными людьми, которые мало отличаются от нас с вами, но живут удивительной жизнью. Действие происходит в узнаваемых обстоятельствах и даже с участием реальных лиц. Паранормальные способности некоторых героев позволяют причислить книгу к произведениям фантастическим, но уж если это научная фантастика, то фантастика социальная, затрагивающая некоторые основы нашей реальной действительности с необычной стороны, но неизменно с любовью к человеку.

© Вевиоровский М. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Хозяйство Свиридова разрасталось и разрасталось, этот процесс практически не останавливался.

Маргарита Антипова, приняв бразды правления, как-то с удивлением спросила Свиридова – а как ему удавалось руководить таким необъятным хозяйством?

И почти не удивилась, когда Свиридов ответил ей, что всегда полагался на своих помощников и всемерно доверял им. Возможно, именно поэтому во время его отсутствия в его кабинете сидел кто-нибудь из самого ближнего круга – Баранов, Потапович, Ерлыкина, и даже Долгополова, Скворцов, Черномырдин.

И хотя случаи, когда временный заместитель был не в курсе назревшего вопроса, случались и довольно часто, это не мешало работе фирмы.

Странно? Ничуть!

Со Свиридовым всегда можно было связаться, но только экстрасенсам, а если в кабинете сидел человек без этих способностей?

Тогда чаще всего обращались к Полине Ерлыкиной – и не потому, что она лучше других ориентировалась в делах фирмы, а потому что у нее был наиболее устойчивый контакт со Свиридовым.

Или ей помогал Олег? Не исключено!

И потом иногда временный руководитель обращался к руководителям более низкого уровня – к Карену Варданяну, Валентину Антипову, Сергею Дементьеву, Петру Дормидонтову, Аделаиде Клиноземас, Екатерине или Любе Львовской, Ивану Степановичу Трофимову, к членам штаба ...

У Маргариты Антиповой установились прекрасные деловые отношения с главным хранителем особых секретов фирмы – с Валдисом Лазарисом, и она не стеснялась советоваться с ним по любому поводу, если у нее возникали сомнения.

Но само интересное происходило потом, когда возвращался Свиридов.

Свиридову рассказывали все, что происходило в его отсутствие, и в мельчайших подробностях, причем рассказывающий не столько рассказывал (и показывал), но вдобавок интересовался правильностью принимающих решений.

В первую очередь за оценками шел тот, кто принимал решения в отсутствии Свиридова.

А Свиридов никогда не уклонялся от анализа ситуации и оценок принятых решений.

Зачастую его оценки конкретных решений значительно расширялись и превращались в настоящие лекции ...

Делай что делаешь.

И будь, что будет.

Л.Толстой

ПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ

АВИАТОПЛИВА и СМАЗКИ

– Толя? Ты Свободен?

– Для тебя – всегда, заходи.

Марго прошла в кабинет Свиридова через комнаты отдыха, чтобы не встретиться с ожидающими в приемной посетителями.

– Привет, Маргерит! – и Свиридов привычно поцеловал ее в щеку.

– Привет, Толенька! Тут без тебя пришла куча бумаг – хочу с тобой поделиться.

– Давай.

– Первое касается авиатоплива. Наконец спецы решились и выдали заключение о полной пригодности нашего топлива с маркой «авиа» для всех самолетов, которые ранее летали на керосине.

– Насколько я помню там было три ГОСТ'а – для дозвука и для сверхзвука.

– Точно. Задержка была вызвана тем, что заказ на пригодность первоначально был дан теоретикам, а не практикам. Но Долгополова быстро разобралась и проверку поручили тем, кому надо. Поэтому для топлив, которые регламентируют ГОСТ 10227 и ГОСТ 12308, были проведены всесторонние исследования и практические проверки. На, взгляни их заключение.

Свиридов открыл тоненькую папку с документами с грифом секретности и номером почтового ящика, полистал.

– Да, работу они провели большую и тщательную. Привыкли отвечать за результат.

– Они проводили сравнительные испытания по отношению к самым массовым нашим маркам топлива – ТС-1, РТ, Т6, Т8В. Во всех случаях наше топливо превосходило образцы для сравнения. В особенности по таким показателям, как противоизносные свойства, по смазывающей способности, по термостабильности, и главное по охлаждающей способности! У нашего топлива выше теплостойкость и ниже вязкость!

– Да, я видел эти показатели ...

– Но сравнения с аналогичными марками топлив по американским, точнее по европейским нормам, они провели всего для двух марок топлив, и эти результаты они в своем отчете не привели.

– И какие марки они выбрали для сравнения?

– Джет А-1 и ДжетПи4.

– Jet A-1 и JP4, я не ошибся?

– Точно.

– Так первая марка это полный аналог нашего ТС-1, только менее морозостойкий, а вторая марка – это вся военная авиация!

– Ну и память у тебя, начальник!

– Доплати этим ребятам за инициативу и пусть проведут всесторонние испытания по этим маркам. И еще там есть марка для военно-морской авиации – пусть ее тоже возьмут для сравнения, хотя ответ можно спрогнозировать ...

– Пока Министерство еще не пробудилось, но нам уже нужно подумать о массовом выпуске.

– Лена Долгополова уже работает в этом направлении. Придется и «Солнечный» готовить к выпуску ...

– А наших сотрудников ты не намерен стимулировать?

– Ладно, этим ты займись сама – думаю, ты с этим можешь справиться самостоятельно.

И приказом оформи это с благодарностью всем, кто имеет отношение к этой тематике.

– Их будет немало – и для премий, и для благодарностей ...

– А ты не эконошь. И обязательно с указанием – за что, за какие заслуги.

– Считаю, что этот итог – очень серьезен для нас. Такой зеленый свет нашему топливу!

– То есть и для истребительной авиации, для вертолетов, для тяжелых кораблей – полностью?

– Да, полностью. Выдали нам сертификаты. Теперь, как понимаешь, дело за нами.

– Новость приятная, как дама во всех отношениях.

– Далее по смазкам. Целая куча заключений по разным маркам смазочных композиций для всевозможной техники, как военной, так и гражданской. Даже для железной дороги – не знаю, как к ним попали наши образцы.

– Попали – и слава богу. Но о нормативах они подумали? Для большинства образцов военной техники и колесного транспорта мы рекомендовали сроки службы, а для железной дороги ничего не давали.

– Все правильно. Я к ним уже направила Карена – думаю, он быстрее разберется, чем Скворцов.

– Ох, и сцепятся они с Ленкой! Он же эксплуатацией не занимался.

– Я думаю, обойдется без членовредительства. Но так или иначе нам придется создавать два подразделения – отдел топлива и отдел смазочных жидкостей.

– Ты права. Причем – скорее всего – установки института придется освободить от смазок, а наращивать для топлива, а смазками заниматься здесь, у нас. Да и хранилища строить.

– А «Солнечный»?

– Там придется развивать и то, и другое – не возить же в такую даль. Придется тебе заводить заместителя по топливу и заместителя по смазкам.

– Ты хочешь, чтобы я назначила сама?

– Но я не думаю привлекать кого-нибудь со стороны.

– Правильно. Есть и свои кадры. Но еще нужен главный проектировщик для этих установок. Как думаешь – кто?

– Потапович. Плюс Черномырдин.

– Сочетание занятное ... но правильное. Одобряю. И еще хранилища, доступные для топлива ...

– Думаю полковника Веденеева.

– Строить – да. А проектировать?

– Придется Карену ... Со стороны привлекать не хочется.

– Что же. Поздравляю тебя ...

– А себя?

– Всех нас – работы будет невпроворот. Придется кое-что ужать и у Скворцова, и в Сибири.

– И еще есть сумасшедшая идея – сделать мобильный блок. Забрасываешь в глушь – был бы там газ или нефть – и он тебе выдает авиатопливо и еще немножечко благородных газов ...

– Толя, не спеши. Вот сейчас в отделе экономисты подобьют цифры и ты увидишь, сколько стоит новое топливо и сколько новых установок надо будет создавать.

– И еще какие контрмеры против нас предпримут нефтяники – наше топливо может быть если не дешевле, то как минимум лучше. Экологичнее. А там такие зубы сидят! Такие деньги гребут! Хотя по объемам мы им не конкуренты ...

– Это уже по твоей части – привести их в чувство, Думаю, сил это потребует немалых.

Свиридов протянул руку, хотел вызвать секретаря, но раздумал.

– Давай завтра устроим совещание по этому вопросу. Нет, даже экстренное заседание Ученого совета. Там и решим, что к чему и кому чем заниматься, а затем расставим людей. Как?

– Согласна. Я подготовлю предложения.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ

Когда все поздоровались и расселись встал Свиридов.

– Как почетный председатель я созвал экстренный совет по поводу промышленного выпуска некоторых наших материалов, а именно жидкого топлива и жидких смазок.

– А консистентных?

– Условно отнесем их к жидким, а твердые пока трогать не будем. Итак, сертифицирована следующая наша продукция: жидкое топливо для двигателей внутреннего сгорания с условным

октановым числом 100, дизельное всесезонное топливо, и легкое авиационное топливо взамен спецкеросина для самолетов, в том числе сверхзвуковых и высотных.

– И как это нефтяники проспали!

– Не волнуйся, они еще проснутся. По смазкам тоже широкий спектр марок различного назначения начиная с тяжелой боевой техники и кончая легковыми автомобилями. И даже для железнодорожного транспорта.

– И теперь ты займешь экспериментальные установки под выпуск серийной продукции! – с горечью сказал Скворцов.

– Я не буду писать на доске условные обозначения топлив, лишь хочу подчеркнуть, что для получения такого материала не нужны те излучатели, что стоят на наших установках.

Установилась напряженная тишина.

– Толя, а ведь ты прав! – весело воскликнул Баранов. – Там половина ...

– Дядя Саша, не спеши. И вовсе не половина, – раздалось из-под стола.

– Ты так думаешь, Мальчик? – задумчиво спросила Карцева. – Но тогда это ...

– Это новая конфигурация излучателя, как я думаю. И его нам предстоит создать. Я подчеркиваю – не новый излучатель, а некая новая конфигурация. И это задача номер раз – фиксируй, Полина.

– Я записала.

– Далее – а из чего состоят наши смазки? Хотя они различны по назначению, но все равно есть жидкая фаза и есть наполнитель.

– Ну, наполнитель – наноуглерод разных фракций ...

– Нано-то нано, но уже не только углерод. И нано-кремний, и нано-медь пошли, и даже нано-вольфрам. Но начнем с жидкой фазы. Честно скажем, что мы ею просто не занимались, а исследовали разные наполнители. А это отнюдь не означает, что наша жидкая фаза оптимальна, а кое-где вообще не подходит ... Это задача номер два – жидкая фаза, возможно универсальная.

– Не выйдет, – снова раздалось из-под стола. – Температуры и удельные давления ...

– Согласен с этим вредоносным ребенком, поскольку сцепление молекул ...

– Стоп, стоп, Дмитрий Германович! Давайте пока не будем так углубляться. И если объемы продукции нам подскажут потребители, то сами композиции различного назначения – это задача номер три.

Свиридов уже дважды обошел стол с участниками совещания и сел на свое место рядом с Антиповой.

– И четвертая задача – организация промышленного производства.

– Ну, и всего-то – совсем чуть-чуть. – снова раздалось из-под стола.

– Согласен. – засмеялся Свиридов. – Осталось только определить ведущих по направлениям. Ты подумала?

Это Свиридов спросил у Антиповой, и та передала ему листок бумаги.

– Вот мы посоветовались с Маргаритой Семеновной и ответственными по направлениям назначаются ... Мари, в приказ. Для обеспечения выпуска новой продукции в промышленном объеме назначить ответственными научными руководителями по разделам ...

– Первое. Жидкая основа всех видов смазок – профессор Лопаткин Дмитрий Германович.

– Вот откроешь рот не вовремя ...

– Вы могли бы рот и не открывать, Дмитрий Германович. Все равно заниматься этим вам. – сказала Полина Ерлыкина, не отрываясь от своих записей.

– Второе. Наполнители из наночастиц – профессора Баранов и Скворцов. Двое – потому что в проблеме явные две стороны, углубляться не будем.

– Третье. Новая конфигурация излучателя для производства жидкого топлива – кандидат технических наук Ерцкая Виолетта Владимировна. Учитывая ее нестандартность мышления ... ну, и так далее. С помощью Потаповича ...

– Я думаю – она справится, – это подала голос Долгополова.

– Неожиданно – но я тоже думаю, справится.

– Третье. Составы композиций смазок различного назначения и для различных условий эксплуатации – член-корреспондент АН Потапович Потап Потапович. Плюс задачи математического прогнозирования и конфигурации нового излучателя ...

– И четвертое. Организация производства – доктор физико-математических наук Антипова Маргарита Семеновна.

– Ну, и пятое. Ответственным подобрать составы рабочих групп самостоятельно и утвердить их у руководства.

– Подписи моя и Антиповой. Как, Марго? Ты согласна? Я чуть-чуть изменил твой набросок.

– Да, я согласна, Толя.

– Вот и прекрасно. Прошу не забывать, что вся наша наземная военная техника до сих пор ориентирована на низкооктановый бензин – это так, примечание на полях ...

ИНДИЯ

Папка с надписью «ИНДИЯ» появилась у Свиридова довольно давно, а она активно пополнялась вырезками, переводами, страничками с рукописными заметками тех, кто знакомился с этим материалом.

И сегодня, просматривая эту папку, Свиридов даже не ожидал, что она так сильно потолстела.

К вырезкам из индийских источников добавились вырезки из американских, немецких, китайских источников, и Свиридов решил, что уже пора познакомиться с работами индийских коллег вплотную.

На первый раз он отправился в Индию в коконе и оставался невидимым все время визита. Но там среди местных ученых он заметил двух англичан и китайца, поэтому предстоял визит наяву, с возможностью обмена знаниями.

Но уже было видно, что индийские ученые пошли совершенно своим, оригинальным путем – это сужало возможности их установок, но при этом значительно упрощало их конструкцию.

Когда с материалами ознакомился Шабалдин, он с удивлением сказал Свиридову, что такой вариант излучателя они когда-то, много лет назад, обсуждали с погибшим профессором Благовым.

Но тогда оставили это из-за ограниченных возможностей по использованию. Теперь – судя по описаниям – блок излучателей, используемый индийскими учеными, был очень похож на старый отвергнутый вариант.

Но это по описаниям, а реально?

В литературе было слишком мало данных и Свиридову пришлось еще раз отправиться туда в коконе. В коконе не было кондиционера и Свиридов сидел на невидимом полу в одних трусах, слушал и записывал.

Довольно скоро он убедился, что литературные источники отнюдь не страдают неполнотой – просто опыты, которые проводили на установке, были редки, а лаборатория страдала от дефицита электроэнергии.

Но теоретически местные ученые были подготовлены весьма прилично, а двое вообще кончали московский физтех.

А среди слетевшихся иностранных ученых большинство были разведчики, старательно «срисовывающие» достижения других.

«А я кто? Чем я отличаюсь от этих «навозных мух»? Тоже подглядываю, подсматриваю, выведываю ...»

На «малом совнаркоме» Свиридов подробно рассказал и показал все, что он увидел и узнал во время своих посещений индийской установки.

– Основное, что я могу отметить – это высокий теоретический уровень работающих там. И возникает вопрос – а что именно является секретным в нашей работе? Кто скажет?

– В основном продукты и в меньшей степени сами установки. Я внимательно сравнил установку, предложенную в свое время профессором Благовым, и теперешнюю установку в Индии. Они практически идентичны. – Потап подумал и добавил, – Только американская установка не имеет прямых аналогов, но это в основном заслуга Антиповой.

– Так не пора ли созвать международную конференцию по вопросам атомно-молекулярной модификации вещества? Не раскрывая наших достижений по режимам, теоретическим обоснованиям и алгоритмам и прочим подробностям эксплуатации? Насколько это позволит нашим соперникам продвинуться в практике получения новых продуктов?

– Насколько – не знаю, но воспроизвести все, накопленное нами, они смогут лет через пять-шесть. Это минимум. – это сказал Баранов, мысленно обменявшись мнением со всеми <людьми>.

– Академию, я думаю, убедить в этом будет не так уж и сложно. Но вот спецслужбы!

– Да, Марго, ты права. Спецслужбы нас воспринимают как некое собственное секретное производство. И отделить установку от продукта им будет не по силам.

– Но пробовать-то надо?

– А как же! Вон сколько понаписали индийцы о своей установке! И схему привели, и фотографию напечатали. Но режимных параметров нигде нет, они их придерживают как «ноу-хау». И правильно делают.

– Так может и нам дать в Вестнике Академии статейку по установке типа Благова?

– С небольшой – страниц на пятнадцать-двадцать – теоретической статьей Шабалдина? Фамилия-то известная по древним публикациям!

– А если привлечь американцев? Официально. – задумчиво сказала Антипова.

– И раскрыть тебя и ВВ?

– Но начать нужно с публикации. Подряд: Шабалдин, Благов и может быть что-то еще?

– Только организовывать это придется тебе. Как и обработку спецслужб.

– Заметано ...

ЛЕКСАР

Долго не удавалось достичь надежного соединения сверхтонких пленок между собой.

К этому приложили усилия все ведущие сотрудники, но нанесенная пленка золота, серебра или алюминия постоянно отслаивалась.

Решение этой проблемы принадлежало Мальчику – он посоветовал окатить поверхность полимерной пленки серной кислотой.

Его совет даже не вызвал возражения – действительно, так можно было активировать поверхность, и пленку быстренько смочили серной кислотой, смыли водой и высушили в обеспыленном вакууме.

После этого пленки сцепились намертво, их даже специально не удавалось разъединить.

После этого начались опыты по созданию электрического заряда на поверхности и его сохранности, но это было уже не так интересно. Единственное, о чем спросил Свиридов, так это о напряжении пробоя, но и тут все оказалось на высоте – вопреки всякой науке величина постоянного напряжения пробоя оказалась невероятно высокой.

И из маленьких лоскутков – максимальный размер, получаемый на лабораторной установке, стали «вертеть» конденсаторы. И первые же образцы размером в короткую сигарету показали емкость за пределами измерительных приборов, имеющихся под рукой.

Короче, быстро – как это было принято на фирме Свиридова – были созданы конденсаторы приличных размеров и весьма приличной емкости.

По аналогии с уже известными ионисторами собственные конденсаторы были опробованы для запуска стартеров автомашин.

И успешно – конденсатор размером с гаванскую сигару заводил двигатель простоявшего всю ночь на морозе джипа с первого раза. А чуть-чуть отдохнув конденсатор был способен повторить это на соседнем джипе. Замеры стартерного тока показывали, что конденсатор свободно отдавал ток величиной 600 – 800 Ампер без заметного падения напряжения.

И без подзарядки запускал еще несколько двигателей.

Название «конденсаторы» установилось как-то само собой, хотя Мальчик ехидничал – «какой дурак назвал аккумулятор конденсатором?».

На это ему задумчиво отвечал Потапович «не скажет ли наш ученый ребенок, чем конденсатор принципиально отличается от такого аккумулятора?».

Разгоралась дискуссия, но результат пока не просматривался ...

На установке уже выпускали конденсаторы непрерывно, но название изделию так и не могли придумать.

Конкурс, объявленный Шабалдиным, не помогал, пока из Москвы Мальчик не прислал странное слово «ЛЕКСАР». И оно как-то прижилось, хотя и не особенно нравилось.

Выявили оптимальные размеры изделия – по многим параметрам. Основное – чтобы по торцу не могло быть пробоя, так как «лексары» заряжали от любой электрической сети – выдержал бы диод выпрямителя.

Сборка «лексаров» размером с магнитофонную кассету типа МК легко заводила танковые дизели, что было многократно проверено у Белоглазова. «Лексары» стали ставить на электрокары, на электромобильчики для поездки по полю для гольфа и на другие объекты, уже рассчитанные на электропитание – проверяли изделия на срок службы.

Но срок службы изделий оказался большим, и первыми выходили из строя мощные диодные сборки, через которые «лексары» заряжали от сети.

Через год «где-то недалеко от Москвы» практически все движущиеся агрегаты были снабжены «Лексарами» и по городу бегали сплошные электромобили.

Правда, были проблемы с электродвигателями – серийных электродвигателей было немного, для других требовались преобразователи напряжения, и лишь единицы были оборудованы импортными мотор-колесами.

Но на заводе Дементьева уже монтировали линию по производству мотор-колес разного размера и различного назначения.

А «лексар» формата наиболее распространенной батарейки АА работал неизмеримо дольше самых знаменитых иностранных марок аккумуляторов при значительно лучших параметрах ...

ПУБЛИКАЦИИ

Ученый совет принял решение предложить ряду специалистов заняться «литературным творчеством». В список попали Потапович, Баранов, Лопаткин, Дормидонтов, Ерлыкина, Шабалдин, Антипова и Антипов, Худобин, Ерцкая, Иванищева, Умаров, Верещатская, Скворцов и сам Свиридов.

При этом было решено, что степень секретности творения будет определяться позже, по мере написания.

Первый труд, который получил Ученый совет, была книга Виолетты Ерцкой под названием «Оператор блоков ИФМ» с подстрочной расшифровкой «блок излучателей физической модификации». А предисловие к книге было написано Леной Карцевой.

Как полагается книга была направлена на рецензию Дормидонтову и Потаповичу, а редактировать книгу взялся сам Свиридов.

Книга Виолетты была одобрена, но печатали ее с грифом «для служебного пользования» тиражом всего 500 экземпляров.

По этому поводу в семье Скворцовых был праздник, и Виолетту поздравляли Костя с Елкой, Маша с Деном, Лена и Виктор. И он в открытую пошел ночевать к Виолетте – раньше он приходил к своим женщинам попозже, когда народ уgomониться и разойдется по комнатам, а сегодня пошел в открытую.

Закрывая за собой дверь комнаты он обернулся к Лене.

– Все правильно, Витя. Все правильно! – негромко сказала Лена.

Экземпляры книги были нумерованы и первый номер получила Лена с надписью «Моей дорогой подруге и милой сопернице от соперницы». И только второй экземпляр получил Виктор с надписью «Моему единственному мужчине».

Труднее всего оказалось уговорить Шабалдина.

Тот долго отнекивался под предлогом, что он уже пишет объемистый труд об истории открытия, но Свиридову удалось уговорить его написать небольшую статью как бы в ответ на статью индийского ученого. В той статье была приведена схема излучателя индийской установки, а Шабалдину Свиридов предложил ответить статьей со схемой излучателя профессора Благова.

А еще Женя Кульченкова написала статью о женских украшениях для модного журнала, и в эту статью она с помощью Свиридова вставила фото и пару абзацев по поводу алмазных украшений. На фотографии был черный тридцатикаратный бриллиант на шелковой ленточке на шее Тони Свиридовой, но скадрировано было так, что лица Тони видно не было.

А в тексте не особенно внятно говорилось, что это с одной стороны украшение, а с другой – результат глубокой физической модификации, т. е. бриллиант искусственный.

Уговорить высокое начальство на появление публикаций было очень нелегко, но частично Свиридову это удалось, и в научных журналах сразу появилось несколько публикаций со ссылками на индийский опыт.

Но зато в журнале «Техника-молодежи» появилась фантастическая статья о проблеме атомно-молекулярной модификации и была приведена схема фантастической установки и ее излучателя – это была точная копия американской установки. К статье было небольшое послесловие о том, что иногда фантастика отстает от реальности, и подписано это послесловие было именем Джулии Вебстер, которую хорошо знали в Логенс-Дейл – под этим именем там знали Маргариту Антипову.

По инициативе Полины Олеговны Ученый совет рассмотрел вопрос об издании «Трудов» фирмы и образовал редколлегия под руководством Свиридова – он отнекивался, но отделаться от этого ему не удалось.

А материалы постепенно накапливались, Свиридов их прочитывал, распределял по членам редколлегии, и уже где-то вблизи маячил первый номер «Трудов НИПЦ ГАМ» ...

НАЧАЛО СБЛИЖЕНИЯ

После этого через некоторое время Джекобу Спрингфилду на его личный телефон, засекреченный номер которого на фирме знали немногие, позвонил незнакомец.

– Привет, Джекоб.

– Кто говорит?

– Мы пока не знакомы, но у меня для тебя есть привет от Джулии Вебстер.

Джекоб долго молчал.

– И что ты хочешь?

– Я думаю, что пора снижать уровень секретности тех работ, которыми мы занимаемся.

И даже встречаться для обмена информацией.

– О'кей. Но многие пока думают иначе. От чьего имени ты выступаешь?

– От имени Благова и Шабалдина.

Джекоб снова долго молчал.

– Твое предложение заслуживает внимания. Я поделюсь с коллегами. С тобой можно связаться?

– Запиши номер телефона. Это в Москве. Назовешь себя и тебя соединят со мной. Бай!

Спрингфилд долго сидел с трубкой в руках, затем запросил службу безопасности – откуда был звонок. Служба безопасности долго копалась, но ответила, что проследить звонок не в состоянии и что он был из космоса, то есть с использованием какого-то из спутников связи.

Надо сказать, что Джекоб раздумывал недолго, и позвонил по указанному телефону.

– Я Джекоб Спрингфилд. – представился он.

– Добрый день, сэр! – на хорошем английском языке ответила ему женщина. – Я соединяю вас.

– Привет, Джекоб! Я рад, что ты позвонил. Как дела?

– Все хорошо. Хотя я думаю, что моя служба безопасности уже проснулась ...

– Это естественно. Но ты не волнуйся – у них как раз сегодня вышла из строя вся аппаратура фиксации. Что ты надумал по поводу моего предложения о снижении уровня секретности?

– Ты должен понимать, что это очень непросто. Кстати, я могу поговорить с Джулией?

– Минуту.

И Свиридов протянул трубку от параллельного телефона подбежавшей Марго.

– Я слушаю!

– Джули, неужели это ты? Я так рад слышать тебя! Рад, что ты жива!

– Джекоб, я тоже очень рада! Как поживают Мари-Эн и Анжелика?

– Спасибо. Ты помнишь ... А как поживает твой Тернтаум?

– Мы давно развелись и у меня другой муж, которого я очень люблю.

– Рад за тебя. Где там твой анонимный шеф?

– Я здесь, Джекоб. Индийцы планируют небольшую конференцию, может быть там и встретимся?

– Я не против. Но ты хоть назови себя.

– Его зовут Анатолий и он нормальный мужик. Он чем-то похож на тебя, Джекоб.

– До встречи, коллеги?

– До встречи!

– Уф! – откинулась на спинку кресла Антипова. – Что делать будем? Кто нас туда пустит?

– Не ссы, прорвемся! Посетим их на часок нелегально ...

– Фу, какой же ты хулиган, начальник! А Джекобу стоит что-нибудь подарить ...

КОНФЕРЕНЦИЯ

Конференция, действительно, была келейной – без всякого объявления собрались парадюжин ученых со своими учениками, хотя под видом корреспондентов все равно кругом вертелось много разведчиков.

Для Спрингфилда выделили индийца-переводчика, но сколько Спрингфилд не осматривался, он не заметил никого из знакомых.

Но зато вечером в скромном ресторане при гостинице к его столику подошли двое европейцев.

– Привет, Джекоб!

Он даже опешил, узнал, вскочил, обнял – это была Джулия!

– Знакомьтесь – это Джекоб.

– Очень приятно, Анатоль.

Они засиделись в ресторане до закрытия, и Джекоб не почувствовал ни малейшего напряжения в общении за столом, хотя иногда речь заходила о весьма щекотливых профессиональных моментах.

Возможно, причиной этого была Джулия, которая все еще воспринималась Джекобом как своя сотрудница.

Или мастерский навык нового знакомого аккуратно обходить острые углы?

Даже то, что его собеседники, скорее всего, прибыли из Москвы, Джекоба не напрягало.

– У портье для тебя подарок, Джекоб! – прощаясь и целуя его сказала Антипова.

Новые знакомые вышли из гостиницы и сели в такси.

– В аэропорт!

Подъезжая к аэропорту водитель мучительно думал – а чего это он поехал в аэропорт? В салоне было пусто ...

А Джекоб Спрингфилд получил целую пачку журналов и даже несколько небольших брошюр с надпечаткой «сигнальный экземпляр». Правда, все на русском языке ...

Статья в одном из журналов с подробным описанием установки в Легенс-Дейл была заложена красной ленточкой – он еще не скоро выяснит, что ленточка эта особенная.

Ее нельзя порвать, разрезать, сжечь или уничтожить каким-либо иным способом.

Джекоб спрятал ленточку в коробку со своими наградами.

Служба безопасности спохватилась не сразу, но тем не менее за него взялись.

Генерал с кучей орденских нашивок пытался выяснить у Джекоба, о чем он разговаривал с неизвестными в ресторане. Но кроме того, что дама была его давней знакомой и они много лет не виделись он ничего не добился.

Агенты, наблюдавшие за беседой в ресторане, ничего толком рассказать не могли, а их фотоаппараты не зафиксировали за столом никого, кроме самого Спрингфилда.

Разговор Джекоба с Генеральным – Правительственным руководителем проекта – был по деловому спокоен.

Отдуваясь после ухода Спрингфилда Генеральный поднял телефонную трубку.

– Слушай, ты, боров! Отстань от Джекоба. Если еще раз попробуешь его допрашивать, то ты и вся твоя семья горько пожалеете об этом! Понял?

Генерал даже попытался вскочить, крикнуть – верните этого предателя! – но грохнулся в кресло. У генерала диагностировали обширный инсульт, его жену сбила машина, а сын с дочерью чуть не сгорели при пожаре.

Служба безопасности на фирме недалеко от Москвы удовлетворилась объяснениями, что разговор господина Спрингфилда с бывшей знакомой не выходил за рамки бытовых вопросов, а подаренные и переданные для перевода материалы на русском языке были несекретными.

Служба контрразведки на фирме где-то недалеко от Москвы вполне удовлетворилась отчетом в полстранички, где Свиридов и Антипова сообщали о состоявшемся контакте с одним из руководителей американского проекта ...

И СНОВА УЧЕНЫЙ СОВЕТ

Отчеты, поступающие из «Солнечного», были интересны, и было видно, что успехи коллективов Верещатской и Иванищевой требовали обсуждения.

Так недалеко от Москвы в гостевых комнатах первого корпуса появились гости – и главный врач сибирского отделения фирмы Роман Натанович Белосевич с супругой, и начальник лаборатории Верещатская Валерия Осиповна, и начальник отдела Иванищева Ангелина

Митрофановна со своей заместительницей Конопатовой Аделью Гвидоновной, и некоторые из сотрудников этих отделов ...

По решению Ученого совета проводилась настоящая конференция с докладами, обсуждениями, прениями – и все под руководством Умарова. У него на квартире привычно остановилась и Ангелина Митрофановна, и ни у кого это не вызвало удивления, кроме нее самой. Она никак не могла привыкнуть к тому, что она может быть обыкновенной женщиной, любимой и желанной ...

Она никак не могла привыкнуть к той неподдельной радости, с которой ее встречали, стоило ей открыть дверь в квартиру Умарова, к ласковым рукам, помогавшим ей снять пальто, а уж к тем невероятным ласкам, на которые были способны эти руки ...

А члены Ученого совета и ведущие научные сотрудники получили программы конференции с перечислением докладов. Программа была оформлена как секретный материал, и в конференции участвовало не так много сотрудников – все уместилось в зале, что находился рядом с главным корпусом.

Первые два дня были посвящены работам бывшей лаборатории Виктора Скворцова, которой руководила теперь Верещатская – в основном это были исследования по созданию наноматериалов на различной основе с различными размерами частиц, хотя многие работы были посвящены исправлению «подарков» академика Оратынцева.

Докладов было много, и Свиридов специально подчеркивал, что никого ограничивать не будут ни по объему доклада, ни по числу докладов. По нанотехнологиям докладов было особенно много, причем многие доклады сопровождались сведениями о промышленном испытании или внедрении в конкретных изделиях. Причем не только оборонных, но и парфюмерных, что особенно порадовало женскую часть публики.

Совет рекомендовал многие доклады к публикации в «Трудах» фирмы ...

Не обошлось и без сенсаций, хотя никто не произносил этого слова.

После подробного доклада Верещатской и сообщений ее коллег взял слов Виктор Скворцов, и рассказал о последних работах своего «подмосковного» коллектива. В частности, он рассказал о полученном образце графитового материала, толщиной в один атом, и названного «МоноСи».

Еще нескоро этот материал станет известен миру под названием «графен» ...

А здесь, в лаборатории, уже пробовали «сращивать» «МоноСи» с инертными органическими материалами ...

Следующие дни были посвящены работам коллектива Ангелины Митрофановны – разным аспектам медико-биологических проблем.

Но доклады по медико-биологическим проблемам открывал доклад Главного врача фирмы Романа Натановича Белосевича о состоянии трех пациенток – пациенток Свиридова – о состоянии Евдокии Ивановны Пчелинцевой, Сталины Валентиновны Лабунец и Тилен Рыскуловны Тургумбаевой.

И хотя из трех женщин замуж вышла всего одна Таня, как обычно называли Тургумбаеву, слушали Белосевича очень внимательно, тем более, что в дополнении к его докладу, Потапович вкратце рассказал об опытах, которые ранее проводили над этими женщинами.

Да и дальше конференция пошла в сторону от запланированной программы – во-первых, обсуждали вопросы использования наночастиц в некоторых видах вооружения, а во-вторых, некоторые работы настолько тесно переплетались, что было трудно отнести их к тому или иному разделу конференции.

В отделе Иванищевой на основе наночастиц были созданы перспективные лекарственные препараты, и некоторые даже были испытаны в клинических условиях.

Так, противораковый препарат в виде геля наночастиц успешно боролся с недоброкачественными опухолями в городской больнице рядом с «Солнечным».

Правда, аналогичный препарат, предназначенный для борьбы с иммунодефицитом, не испытывался, но можно было предположить, что он сможет составить конкуренцию дорогостоящим препаратам против ВИЧ.

Работы по новым лекарственным препаратам были настолько интересны, что состоялось выездное заседание Ученого совета в Химках, в Центре высоких технологий.

Доклады Иванищевой и ее сотрудниц вызвали настолько большой интерес, что были установлены не только прямые связи и обмен информацией по новым лекарственным препаратам, но некоторые плодотворные контакты с РАМН ...

Представляя свою сотрудницу Конопатову Ангелина Митрофановна просила отнестись к представленному докладу снисходительно – хотя работа была выполнена добротнo и с большой выдумкой, если это уместно применить к научной работе.

– Мы все чаще сталкиваемся с тем, что магнитное поле явно недооценивается нами. Место магнитного поля в нашей жизни еще далеко не определено, и мы только прикасаемся к этой проблеме. Представьте себе, что спираль ДНК, определяющая всю нашу жизнь, является сложнейшим физическим электромагнитным объектом. В чем только не обвиняли генетику! Так теперь ее обвиняют в магнитной ереси! – Конопатова сдержанно улыбнулась.

– Адель Гвидоновна, ваша ересь всегда изумительно плодотворна! Для малограмотных предупреждаю, что Адель Гвидоновна является серьезным специалистом в области волновой генетики, заочно знакома с основателем этой дисциплины профессором Грачевым, который очень высоко ценит ее труды. Я вам обещаю, Адель Гвидоновна, личную встречу с Грачевым. Кто не знает – профессор Грачев является основателем волновой генетики, в основе которой положение о хромосоме, являющейся природным квантовым биогенератором ... Профессор Грачев считает, что хромосома может быть передана магнитным полем, а сперматозоид является носителем волновой информации, и первый мужчина оставляет в женщине свою индивидуальную квантовую информацию навсегда ... Грачевым проведены опыты по передаче лазерного луча, модулированного хромосомой, на большое расстояние ...

– Правда, только на лягушках – у него выздоровели 36 лягушек ...

– Да, Ангелина Митрофановна. Грачев считает, что нас всех окружает всеобщее информационное поле, насыщенное генетической информацией ... Извините за вмешательство ...

После слов Свиридова доклад Конопатовой воспринимался с особым вниманием, хотя доклад и сам по себе заслуживал особого внимания.

То, что она рассказывала, вызывало у слушателей не только жгучий интерес, но и легкую оторопь.

А когда Конопатова стала приводить графики и слайды со срезами тканей, когда рядом со своими данными она приводила данные шведских и американских исследователей и перешла к выводам, ее слова были встречены бурными аплодисментами, так неуместными на конференции ...

Надо заметить, что пустых и формальных докладов просто не было, все сообщения вызвали неподдельный интерес, выливавшийся чаще всего в активную дискуссию.

А в целом были объявлены премии, названы авторы предполагаемых изобретений, выделен ряд докладов для Президиума Академии Наук и для «Трудов» фирмы ...

По просьбе приехавших уже после завершения программы конференции в течение двух дней звучали доклады о работах, проводимых тут, «недалеко» от Москвы, и оказалось, что это было интересно не только приезжим.

Полезно было всем.

Тоня возила приехавших женщин в Москву, где по строжайшему распоряжению Свиридова женщинам было запрещено обращать внимание на цену товаров, а поскольку это был магазин близкой знакомой Тони, то ценники просто отсутствовали.

Мужчин – их было немного – в Москву возила тоже Тоня, просто в другие магазины, но поскольку Тоню Свиридову знали и в тех, и в других роскошных магазинах, то без покупок ни остался никто.

Но магазины были не единственным привлекательным местом в Москве – все желающие попали на самые дефицитные представления в любые театры, посетили музеи и выставки.

Возвращались они из Москвы смертельно уставшие, но такие довольные!

На прощальном банкете Свиридов поблагодарил всех гостей и призвал чаще обмениваться такими командировками ...

ВИОЛЕТТА РАБОТАЕТ

У Скворцовых в квартире постоянно находился кто-нибудь из взрослых – а теперь в эту категорию попали и Елка, и Маша.

Сегодня «дежурила» Лена.

Виола, уходя с разбухшей папкой в руках, сказала ей:

– Я буду рядом, в Витиной квартире. Если что ...

– Работай спокойно, у нас все будет в порядке. Да, Витенька?

– Конечно, мама.

Витя, сын Виолетты и Виктора, называл и Виолетту, и Лену «мамой», перестал для простоты добавлять ее имя – «мама Лена», и Лена приняла это как должное ...

Виолетта своим ключом открыла квартиру Скворцова, прошла в его кабинет.

Минуту она раздумывала, что ей делать со всем этим нагромождением бумаг на столе, а потом, стараясь не нарушить этого хаоса, стала перекладывать все на диван.

Очистив плацдарм она стала раскладывать на столе свои бумаги и очень быстро общий вид хаотичного нагромождения самых разных бумаг и схем на столе был полностью восстановлен.

И Виолетта углубилась в работу.

Почти не глядя она доставала с полки над столом нужные ей справочники и книги, и удивлялась уже потом – почему она знает, где они стоят? Но этого удивления хватало на мгновение и она продолжала писать или зачеркивать написанное, рисовать схемы и графики и задумываться, откинувшись на спинку кресла.

Поднимая глаза она натыкалась на свой собственный взгляд с крупной фотографии.

– Ну, что, Тота, мы на что-нибудь годимся?

А глаза на фотографии смотрели серьезно и пытливо – ну-ка, на что ты способна?

Несколько раз Виолетта отравлялась на кухню, готовила себе кофе, а из холодильника извлекала что-нибудь перекусить ...

Устав, она обернулась и хотела прилечь на диванчик, но там громоздилась куча бумаг.

Тогда Виолетта прошла в соседнюю комнату – там стояла кровать Скворцова, на которой она ни разу не была – ни одна, ни с ним.

Чуть помедлив, Виолетта сняла туфли и прилегла сверху одеяла.

Там ее и обнаружил Скворцов. Он встал на колени, помедлил, рассматривая ее лицо, и легонько поцеловал в лоб.

Виолетта открыла глаза

– Прости, я без приглашения улеглась тут ...

– Какие такие особые приглашения тебе нужны, чтобы лечь в кровать к любимому мужчине, – заворчал Скворцов, целуя ее. – Пошли, покушаем, там все готово.

Но одним поцелуем он не отделался, а затем Виолетта пошла сполоснуть заспанное лицо, и только потом они отправились в столовую в соседнюю квартиру.

Виолетта немного поиграла с Витенькой и Ритой, а затем они с Виктором снова уединились в его квартире и Виктор внимательно просматривал материалы Виолы, и в чем-то спорил с ней.

– Я пойду ночевать на твоей кровати, не возражаешь? А ты еще поработай.

И он вернулся в большую квартиру к радости малышей, поиграл с ними, принял участие в водных процедурах и устроился на ночь в комнате Виолетты на ее кровати.

А Виолетта еще допоздна работала за его столом и окно светилось почти до утра ...

Виктор устроился на постели Виолетты, оставив дверь в детскую приоткрытой – обычно, когда он приходил к Виолетте, они эту дверь закрывали на задвижку.

Среди ночи он почувствовал, что кто-то забирается к нему под одеяло – он повернулся и почувствовал маленькое детское тельце.

– Ритуля, ты чего не спишь?

– Папа, это ты? Мне одной стало так скучно...

Виктор обнял дочку, поудобнее укрыв ее одеялом.

И так, обнявшись, они проспали до утра.

Первым проснулся Витенька и пошел проверять, куда подевалась его сестренка.

– Ишь ты, как пристроилась, – проворчал он.

А потом в комнату заглянула Лена.

– Ну, Витька, до чего же твои дочки одинаковые! Наша Анечка тоже любит спать со мной, в моей кровати!

ДВА ПИСЬМЕННЫХ СТОЛА

– Анатолий Иванович, Виолетта. Здравствуйте.

– Здравствуй, Виола. Слушаю тебя.

– Мне посоветоваться с вами ... с тобой нужно. Найдется время?

– Давай прямо сейчас?

– Тогда приходи на квартиру к Виктору, у меня все бумаги тут ...

Свиридов нажал кнопку звонка, и почти сразу дверь ему открыла Виолетта.

– Заходи, Толя, у нас открыто.

В кабинете Виктора стало тесно – у стены в ряд стояли два письменных стола, заваленных бумагами.

– Видишь, мне пришлось потеснить Виктора. Теперь у меня тут свой стол.

– И как это восприняла Лена?

– Знаешь, нормально. Она сама нашла для меня этот небольшой стол – двухтумбовый здесь бы не поместился. Давай, садись, буду тебя мучить!

Виолетта очень толково рассказала, что и как она представляет себе, что ей мешает, и что совершенно непонятно.

Она подробно отвечала на вопросы Свиридова, показывая свои эскизы и наброски.

Пришел Виктор, постоял, послушал, и ушел, сказав, что будет в квартире рядом.

Виолетта со Свиридовым еще долго сидели, рисовали, и в конце концов пришли к выводу о необходимости экспериментальной проверки новой конфигурации излучателя.

– Только ты обязательно покажи Потапу и Баранову!

– Я с ними каждый день советуюсь!

– Уленька! Я застрял у Скворцовых, ужинайте без меня – надеюсь, меня тут покормят!

– Ну, пошли?

– Ты иди, а я переоденусь, а то неудобно так за стол садиться.

Виолетта была в простеньком спортивном костюме, но когда она вслед за Свиридовым пришла и села за стол, то на ней было очень скромное и очень красивое платье, и нитка жемчуга на шее ...

Без опытной проверки разработки Виолетты полностью оценить было невозможно, и Потапович, и Баранов настаивали на экспериментах.

Место для новой опытной установки выбрали на месте старой установки в бывшем институте, рядом с другими установками, производящими жидкое топливо.

Установка заработала сразу, и сразу же были получены интересные результаты.

Если кратко, то корректировка установки по результатам анализов была минимальна, и приказом Генерального директора установка была принята в эксплуатацию.

А Ученый совет после заслушивания доклада Виолетты Ерцкой и содокладов Баранова и Потаповича о полученных результатах единогласно высказался за выдвижение автора на Госпремию, чем ужасно смутил автора, а так же о необходимости оформления заявки на изобретение ...

Но зато какая неподдельная радость ждала Виолетту дома!

Радовались все, и большие, и маленькие, ее поздравляли и поднимали тосты за ее здоровье, за ее успехи.

– Что скажешь, Лена? – спросила Виолетта на кухне, когда они остались одни.

– Знаешь, я так рада, что сама не пойму, отчего. Я действительно рада за тебя, Виола!

А вечером Виктор увел Виолу к себе, читал ей стихи и они радовали друг друга ...

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Виолетта была первой, а затем все пошло сплошняком – результаты своих исследований докладывали все авторы, приводили результаты промежуточных испытаний или отзывы заказчиков.

Доклады тянулись не один день, и результатом были не только новые сообщения в «Труды», но и заявки, а самое главное – опытные работы с перспективными результатами.

Установка Виолетты Ерцкой с увеличенным излучателем уже давала промышленную продукцию, а в планах Ученого совета появился пункт о присвоении ей докторской степени без защиты.

Хватался за голову начальник 1-го отдела – столько новых секретных материалов свалилось на его голову, причем многое начали рассекречивать ...

Лена Долгополова за голову не хваталась – она хорошо знала, кто такой Свиридов, и неплохо научилась у него оперативно решать любые проблемы без нервозности и без лишнего шума ...

Поэтому хранилища для нового «бензина» росли быстро и без задержек, трубопроводы от установок к хранилищам укладывали в прорытые для них траншеи, а в транспортном цехе появились огромные цистерны-бензозаправщики, позаимствованные у авиаторов ...

УТРО, ДЕНЬ, ВЕЧЕР

УТРО

Проснувшись, Свиридов повернул голову и стал разглядывать Тоню. Он уже научился отключать свое внимание и свой взгляд, нарушающие сон человека, и теперь спокойно смотрел на Тоню.

Тоня спала, прикрытая легким одеялом и подложив руки под голову. На загорелых плечах выделялась белизна ее тонкой сорочки.

«А ведь раньше мы всегда спали голые!» подумал Свиридов и осторожно коснулся губами ее плеча.

Тоня отреагировала сразу – повернулась, протягивая руки и обнимая его, и прижимаясь лицом к нему. И только потом открыла глаза и поцеловала.

– Доброе утро, милый!

– Доброе утро, моя родная. А раньше ты спала без рубашки ...

– Можно подумать, что моя рубашка когда-нибудь тебе мешала!

– Но зато она многое скрывает ...

– И опять-таки это тебя не останавливало. Что-то не так?

И Тоня стала целовать его грудь, а потом села и одним движением сбросила сорочку.

– Кстати, голышом прогуливаться в туалет мне неловко ... Что ты делаешь? Твои руки ...

В этот раз они опоздали к завтраку, и Верочка посмотрела на деду и бабу с укоризной.

УЛЯ, ТЫ ЗАНЯТА?

– Уля, ты очень занята? – высветилось на дисплее пейджера.

– Нет, я иду к тебе. – тотчас ответила Уля и как была, не снимая фартука, пошла в мастерскую Гриши.

Гриша сидел на диванчике, на коленях его лежал незаконченный рисунок, но он не смотрел на рисунок, а сидел, закрыв глаза.

– Что, Гришенька?

Уля под села к нему поближе, сбросив туфли, забралась с ногами.

Гриша молча обнял Улю.

Тогда она начала говорить – обо всем, о чем придется: о проделках Верочки, о вчерашней заказчице, о нитках, которые никак не подберешь в тон, о своих разговорах с Дашей и Любой, и о всяких повседневных делах ...

Гриша взял рисунок и показал его жене.

Старый город с островерхими крышами, лента мертвой реки, а на этой стороне, на набережной сидел человечек. Вернее, сидело что-то, напоминающее человечка, и он портил всю картину – пейзаж оставался мертвым.

И Уля, продолжая своей монолог, стала говорить, что там, наверное, холодно, но нет туч и нет ветра. А где же птицы? Наверное, они улетели на площадь, где их подкармливают. А вода такая холодная, и так холодно и одиноко сидеть у неподвижной воды. И так неудобно – я бы села вот тут, у камней, они прикрыли бы меня от ветра ...

И Уля говорила, говорила, уже чувствуя себя одиноко на неуютной набережной, вдали от тепла, когда ни одно окно не обещает тебе приют ...

Гриша вытянул руку и Уля увидела, что по нижней стороне листа бумаги было несколько откидных клапанов – на одном из таких клапанов был изображен человечек. Гриша отогнул клапан и берег обезлюдил, а рисунок стал еще более безжизненным.

В руке Гриши появился фломастер, но Уля не рискнула пошевелиться и убрать свою руку.

А конец фломастера прицеливался и двигался над листом бумаги, и вместе с рукой Гриши двигалась рука Ули – но она сама еще не ушла из пустоты и холода безжизненного города.

А фломастер одним движением родил птицу над пустой водой и двинулся ниже, к берегу. Тут из-за края листа появился чистый клапан и закрыл часть берега. И острый конец фломастера завис над белизной листа.

Уля боялась дышать. Рукой, которую она засунула за спину Гриши, она чувствовала напряжение его мышц, а другая рука ощущала дрожь фломастера. И тут кончик фломастера начал касаться бумаги – Уле было плохо видно, что именно этот кончик создавал.

Гриша отодвинул руку и Уля увидела на берегу, на камне, девушку в накидке – птица летела к ней. И пустое холодное небо ожило, и дома – там, далеко – казались не такими угрюмыми ...

– Гриша ...

– Что, родная моя?

– Гриша ...

– Что, любимая? Ты в фартуке? Я тебя вытащил с кухни? Пошли, я помогу тебе ...

Когда на кухню, привлеченная вкуснейшими запахами, заглянула Тоня, Гриша сидел на высоком барном табурете, держал на коленях Улю, а Уля целовала лицо Гриши.

– Мама Тоня ... – оторвалась на мгновение Уля и продолжила покрывать поцелуями лицо Гриши.

А вечером, когда Верочка уже утомилась, Гриша вынес в гостиную новый рисунок.

Там все было серое – но какая разнообразная гамма серых цветов!

Небо было серое, и серые здания стояли на том берегу реки. А вода была серебристо-серой, и над ней летела темно-серая птица. Спиной к зрителю, тут, на берегу, на камне, сидела девушка в накидке и капоре, и птица летела к ней. И хотя и накидка, и капор на голове девушки были серые, но они казались радостно-цветными. А на том берегу, в сплошной стене серых стен, светилось окно – только одно окно на весь застроенный берег.

У Гриши появилась особая папка, куда он складывал такие рисунки, и кроме хороших грифельных карандашей – большие многоцветные наборы фломастеров.

ВЫХОДНОЙ

– У кого какие планы на выходной день?

– Чур, я с дедей! – сразу заявила Верочка. – Папа, мы возьмем с собой маму и бабушку! И тебя!

– Ну, спасибо, внученька!

Верочка перелезла с рук матери на руки бабушки и обняла ее за шею. – Баба, я тебя люблю!

– Тогда я предлагаю экскурсию на наш садовый участок! Поедем и проведем там весь день!

– Ура! Дедя молодец!

– Тогда я пойду, подготовлю мамину машину, – сказал Гриша. – Там места на всех хватит

...

Все семейство Свиридовых разместилось в белом «Гелендвагене», за руль сел Гриша, а Верочка устроилась на руках Свиридова на заднем, рядом с Улей. А Тоня села рядом с Гришей.

Этим автомобилем, полученным Тоней в подарок после возвращения из долгой зарубежной командировки, очень редко пользовался Свиридов – только для деловых поездок. Зато Тоня часто выезжала в Москву на этой машине – резвому белоснежному «Гелендвагену» почтительно уступали дорогу.

По объездной дороге – мимо жилого массива около машиностроительного завода Дементьева – автомобиль быстро помчался по направлению к колхозу, а затем свернул направо и через длинный-предлинный мост въехал в комплекс садовых участков, разгороженный прозрачными заборами из сетки. На многих участках уже выросли домики, еще больше участков светились кучами бревен.

– Пап, куда ехать?

– Вон туда сверни. Вот этот участок – наш ...

Как и у других участков передней части забора не было, а на участке высились три больших штабеля бревен и еще несколько кучек всяческих деревянных деталей.

– Травка! Можно побегать?

Верочка с удовольствием убежала от машины, из которой взрослые стали вынимать всякое барахло. Но когда мужчины расстелили брезент и покрыли его байковыми одеялами Верочка первая испробовала это покрытие и одобрила его, притворившись спящей в уголке около сумок. А потом с удовольствием устроилась у мамы на руках и пила бульон из чашки и заедала его крохотными пирожками, которые называла «воробушками»...

Свиридов с Гришей переключались со знакомыми на соседних участках, потом что-то измеряли на участке рулеткой, вбивали колышки ...

Верочка уснула по настоящему, прикрытая от прямого солнца небольшим навесом, а женщины решили позагорать, и не обращая внимания на мужчин разделись и улеглись рядышком – чтобы удобнее было поболтать ...

Где-то невдалеке фырчал небольшой экскаватор, отрывая траншеи под фундаменты, вдали над свежим срубом собирали стропила, а совсем далеко, на границе участков, заканчивали прокладку проводов и установку освещения на столбах ...

Проснувшуюся Верочку умыли и все три женщины пошли осматривать лес за границей участков, а мужчины пошли по знакомым, благо участки самых близких друзей были рядом ...

КТО ДОМА?

Свиридов, входя в квартиру, всегда с порога спрашивал «Кто дома?»

– Деда пришел! – раздавался радостный голос Верочки.

– Папа Толя, мы тут! – это уже Уля из кухни.

Верочка побросав игрушки вылезала из своего манежика, стоящего около раздвижной стенки между кухней и столовой.

– Деда!

– Сейчас, мои девочки, я только переоденусь и умоюсь!

Верочка проводила Свиридова в спальню, и не просясь на руки помогала ему переодеться, а затем ждала его около ванны.

– Деда, мы пойдем помогать маме?

– Обязательно, Верочка. Уля, командуй, что помочь тебе?

Уля хозяйничала на кухне и подставив щеку для поцелуя выделила Свиридову фронт работ – заниматься салатом. Свиридов набросил фартук и принялся за работу.

– Какие новости у моих девочек? Что поделявает наш Гриша?

– Папа работает, а бабушка мучает тетю Любу! – ответила Верочка. – А еще папа нарисовал мне тянитолкаю!

– Это что же за зверь такой? – удивился Свиридов и они с Верочкой обсудили нарисованного зверя.

У Ули все ладилось как-бы само – все кипело, скворчало, источало ароматы.

– Улечка, что у тебя сегодня такое вкусное? Пахнет – сил нет.

– Так всего лишь щи, папа Толя. Просто травка разная так пахнет. Вот тут кашка для Верочки, кабачки нам с мамой Тоней и мясо для мужчин. Как салат, готов?

Свиридов ловко орудуя ножом разделался с помидорами, огурцами, салатными листьями, луком и другими ингредиентами и в том, как сноровисто он заправлял и раскладывал все на блюде чувствовался немалый опыт.

Уля набрала сообщение для Гриши, а затем для Тони.

– Привет, Люба! Пообедаешь с нами?

– Здравствуй, Толя! Нет, спасибо, побегу домой – скоро Коля вернется, его тоже покормить надо!

– Как я люблю, когда все дома, все вместе за столом. – негромко сказал Свиридов.

– И как жаль, что это бывает не так часто, – ответила Тоня.

– Но как вкусно!

Гриша привычно загрузил грязную посуду в посудомоечную машину ...

ВЕЧЕРОМ

После обеда Верочка заявила свои права на деда и забравшись к нему на руки уже не желала слезать. Но и не мешала деду беседовать – и это было очень занятно.

Верочка с какой-нибудь игрушкой или даже с несколькими играла на руках у Свиридова, рассаживала кукол у него на плечах и на руках, и тихонько воспитывала их, ничуть не обращая внимания на разговоры взрослых.

Баба Тоня могла показывать и обсуждать модель будущего платья, папа Гриша мог показывать рисунки к очередным номерам журнала, мама Уля могла советоваться насчет меню на ближайшие дни или о текущих покупках – все это, казалось, не касалось Верочки.

И все так думали, пока она среди разговора взрослых не вставила свое замечание насчет того, что мама собиралась купить ей. Причем ее замечание было вполне осмысленно, а высказавшись Верочка, не обращая внимания на так внезапно установившуюся тишину, продолжала свою беседу с куклами.

Потом взрослые немного поспорили, кто будет купать Верочку, но она сказала «дедя» и Свиридов пошел готовить ванну, а потом оттуда стал доноситься веселый смех и плеск воды.

Затем дед вынес закутанный в полотенце шевелящийся сверток и пошел укладывать спать внучку, а Тоня воспользовалась освободившейся ванной.

Они вышли одновременно – Свиридов из комнаты Верочки, а Тоня в халате из ванной комнаты.

Тоня откинулась в кресле и Свиридов, набрав крем из секретной черной баночки, стал массировать ей лицо.

– Уля, не уходи. Вымой лицо, я тебе тоже помассирую. Будешь красивой – жуть!

Уля терпеливо дождалась своей очереди и уселась в кресло.

Когда-то, когда Свиридов позвал ее первый раз, она отнеслась к предложению с некоторым недоверием. Но даже единичный массаж она ощутила – не столько увидела в зеркале, сколько физически ощутила кожей.

Потом это заметили другие – пришлось сказать, что массаж ей делает сам папа Толя: посмотрите на маму Тоню, у нее тоже такая нежная кожа.

А еще женщины замечали, что Тоня вроде бы молодеет – по крайней мере не стареет.

И сам Свиридов – тоже ...

ВИТЕНЬКИНЫ ЯСЛИ

Раньше прямо у входной двери в квартиру Скворцовых слева была комната Виолетты. Свиридов всегда вспоминал об этом, входя к ним в квартиру.

Теперь, в новой гигантской квартире, первая дверь слева вела в комнату Лены, а дальше две двери вели в комнаты Виолетты и ее детей.

Но еще дальше, уже после распашных дверей в середине коридора, которые никогда еще не зарывались, слева была детская – причем детская общая, где командовал Витенька на правах старшего.

Свиридов взял из шкафчика персональные тапочки и проследовал в детскую – там находилось все младшее поголовье Скворцовых. По возрасту их отличить было трудно, но особенно выделялись сыновья Саша (Кости и Елки) и Аркаша (Маши и Дена), хотя и там прослеживались черты Скворцова. Дочери Виолетты Риточка и Лены Аннушка были миниатюрнее, но более крупные мальчики играли с ними на равных и все без исключения безоговорочно слушались Витеньки.

Витенька солидно поздоровался со Свиридовым, а малыши, узнав, поползли к нему.

Свиридов уселся на пол – на мягкий белый ковер – и малыши облепили его.

– Дядя Толя, почему ты не привел свою Верочку? Она любит бывать у нас.

В комнату заглянула Лена.

– Толя, привет! Ты уже весь в малышах!

– Привет, Лена! Они так хорошо растут!

- Только девочки отстают – смотри и Риточка, и Анечка еще такие маленькие!
- Зато смотри, какие они изящные! И как братишки их оберегают!
- И как хорошо с ними управляется Витенька! Можно спокойно оставлять их одних.
- А как ты себя чувствуешь? Ты же у нас самая опытная мама.
- Сказал бы – самая старая, чего уж там.
- Язык не поворачивается – ты после родов помолодела. Правда, правда.
- Дядя Толя, нам пора мыть руки и кушать.
- Тебе помочь?
- Я сам управлюсь.
- Толя, не мешай ему – посмотри, как он управляется.

Витенька вкатил в комнату странную низкую тележку и малыши стали забираться на нее, а потом он повез всех в ванну мыть руки. Свиридову было любопытно, как он справится с этим – оказалось, что в ванной комнате есть маленький умывальник, расположенный на небольшой высоте от пола. И Витенька старательно поочередно мыл руки малышам, и те послушно подставляли ему свои ручонки.

И затем вытирали их вместе с Витенькой.

Единственно что пока Витеньке было не под силу – это усадить малышей на высокие стульчики в столовой и помогать им кушать – его рост еще не позволял ему хозяйничать на столе ...

ЛЮДИ и ЛОШАДИ

Эта усадьба по праву могла называться хутором – она была отделена от города большим участком леса. Но никто и подумать не мог об обособленности этих строений от города.

Свиридов подходил к усадьбе Степана Кузьмича с буханкой черного хлеба, поздоровался с Сандалом, оставил хлеб у входа к лошадям.

- Мир дому сему!
- Заходи, Иваныч, заходи! Как раз к столу!

В просторной горнице за большим столом сидели все обитатели – во главе стола сидел Степан Кузьмич, около него сидела Настя, далее на высоких стульчиках сидели младшие – Ерофей и Марина, а затем уже Игнат. Еще дальше сидели рядом молодой лесоустроитель Геннадий и его подруга Марина, учительница из колхоза.

Настя быстро поставила Свиридову тарелку, положила картошки, помидоров с огурцами и зеленью.

- Приятного всем аппетита, – беря вилку сказал Свиридов.
- Настя и Игнат помогали есть Ерофею и Марине.
- Картошка с вашего участка, Марина? – спросил Свиридов. – Ох, вкусна!

Из напитков на столе стояли большие бутылки с компотами из яблок, вишни, еще чего-то вкусного.

Уж потом, после ужина, Свиридову показали – как разместились все в старой пусть большой, но избе.

Степан Кузьмич по старицкой привычке ночевал на печке.

Для Насти с Игнатом с маленькими была выгорожена часть горницы. Там разместились широкая кровать взрослых и самодельная двухэтажная кроватка для маленьких.

- Еще одна свежая выгородка отделяла владения молодого специалиста.
- Давай, Игнаша, самоварчик. Да поговорим, как нам ваше жилье улучшить.
- Марина Петровна, вы преподаете в младших классах?
- Марина, сидящая около Геннадия, взяла того под руку.
- Да, Анатолий Иванович. Русский и литература.
- А как ваши родители относятся к Геннадию?

Девушка засмушалась.

– Не очень я им понравился. У них на примете свой, колхозный жених. Тракторист.

– Но мы с Геной решили ... Я могу преподавать и в городе ... или в лесной школе.

– И это тоже вариант – тогда дом вам надо строить там, около лесной школы. Или здесь, рядом с Кузьмичем? Как думаете?

– Для Гены лучше здесь. Кузьмич ему так помогает! А я могу и ездить в школу. На квадроцикле это минут двадцать, правда?

– Как, Кузьмич? К твоей хате пристройку соорудим для Насти и Игната с детишками, а молодым рядом поставим? Вы что предпочитаете – рубленый дом или с несъемной опалубкой?

– Гена, лучше рубленый? Как ты считаешь?

– А еще сарайчик надо для квадроциклов и снегоходов. Да на той стороне, – Игнат махнул рукой через площадку для выездки. – Надо на месте дежурки настоящий дом поставить. Переодеваются там, да и тренеры у нас будут ...

– Для лошадей денник надо расширить, – подал голос Кузьмич. – Скоро их станет больше

...

Без бумаги не обошлось – начали рисовать, где и что.

Кроме того Свиридов обсудил с Кузьмичем и Геннадием проблему новогодних елок – где и какие елки можно будет вырубить для украшения Новогодних праздников.

Потом Гена отправился провожать Марину домой – прощаясь со Свиридовым она сказала, что тут еще на ночь не оставалась, и покраснела.

А оставшиеся еще посидели, прикидывая планы и количество пиломатериалов.

– Как вам молодые? Как Марина?

– Геннадий – человек обстоятельный, токовый. И добрый – его Маринка с Ерофеейкой сразу приняли.

– Марина ... Хоть молода, но уже специальность имеет. Да и с Геннадием у них все сладится. Вот дом им поставим, и поженятся ...

Расставаясь, Свиридов пообещал прийти на разметку новых строений.

– Кузьмич, а у тебя кнут за дверью висит – ни разу не видел, чтобы ты им воспользовался!

– Кнут нужен для приручения молодых да норовистых, а у нас таких нет.

– Слушай, научи меня работать с кнутом?

– Так пойдем, научу.

Среди разнообразного вооружения у Свиридова появился кнут – правда, немного покороче, чем у Кузьмича ...

ВЫСТАВКИ

Гриша пришел возбужденный и радостный, с бутылкой шампанского.

Обнимая и целуя жену и мать он объявил:

– У нас была выставка картин и мне за портреты присудили вторую премию!

– Поздравляем тебя! Это что же за выставка? Где?

– У нас в студии Грекова Министерство обороны вдруг устроило смотр картин. Я получил премию от Министра – именные часы.

Уля разглядывала часы и обнимала мужа. Потом часы перешли к Верочке и та стала их внимательно разглядывать.

За столом, чокаясь и вновь принимая поздравления, Гриша объявил о городской выставке молодых художников, на которой он намеревается участвовать.

– Но там можно по разделу портреты выставить только две картины – придется выбирать.

Все наперебой стали предлагать, вспоминая лучшие работы Гриши.

– Конечно, ты решай сам, сын. Но мне кажется, что один из этих портретов должен быть портрет жены художника.

– Ну, выдумали ...

– Нет, нет, Улечка! Толя прав – твой портрет должен быть на выставке обязательно. А вот второй ...

– Нужно что-нибудь узнаваемое ... Например, портрет Нарусовой ... или Пугачевой.

Когда Верочка уснула, убаюканная дедом, Гриша и Уля устроились в его, Гришином кабинете, и стали выбирать портреты для выставки.

Из большой кипы портретов Ули они выбрали портрет, который Гриша нарисовал в первую ночь их близости – портрет был красив и выразителен.

– А второй возьми Пугачеву, – предложила Уля.

– Можно и Аллу Борисовну, – задумчиво проговорил Гриша, разглядывая портрет – копию того портрета, что он сделал на Арбате. – Только там обязательно кто-нибудь выставит ее. Лучше взять Нарусову – ее публикуют реже.

– Надо будет еще получить согласие Нарусовой на обнародование ее портрета – хоть он и не заказной, но все же ...

Выставка открылась через месяц и была довольно большой. Произведения Гриши висели среди других черно-белых портретов – кроме этого было множество цветных картин и портретов.

Премий было много, от разных организаций, и поэтому первого места просто не было.

Гришины работы были отмечены зрителями и в прессе, а по разделу рисунка он получил премию Академии художеств, и вручал эту премию Грише его профессор – Генрих Савельевич Василевский, после чего его поздравляли все знакомые студенты и Борис Иосифович Жутовский.

Борис Иосифович пожимая руку Грише говорил о его картинах, разбирая их достоинства – и недостатки – и студенты, окружив их, внимательно слушали.

Затем Василевский и Жутовский увели Гришу с собой – потом они объяснили Грише, что увели его от пьянки, которую потребовали бы его коллеги-студенты.

Но перед этим Гришу успела перехватить корреспондентка молодежной газеты.

– Григорий Анатольевич, не будете ли вы так любезны и не ответите ли на несколько вопросов ...

Девушка была молода, очень нервничала и Грише стало ее жаль.

– Давайте попробуем. Как зовут вас?

– Глаша ... Глафира. Это первая выставка, в которой вы участвуете?

– Нет, Глаша, далеко не первая. Совсем недавно состоялась выставка студии военных художников имени Грекова, где были мои картины и я получил в качестве премии именные часы от Министра обороны – вот эти.

И Гриша показал красивые «Командирские» часы.

– Вы пишете только портреты?

– Преимущественно.

– Работаете ли вы в цвете?

– Да.

– А где можно увидеть ваши картины?

– Пока только в студии имени Грекова.

– А вам еще не приходилось выставлять свои картины, то есть портреты, за рубежом?

– Да, приходилось. И даже завоевывать там призовые места.

– А нельзя ли подробнее?

– Извините, меня ждут, – и Гриша показал на Улю, Василевского и Жутовского.

ЧТО С ТОБОЙ ?

Положив голову мужу на грудь Тоня тихонько спросила.

- Что-то случилось? Я чувствую, ты в себе что-то держишь ...
Свиридов молча поцеловал Тоню.
- Поделись ... Расскажи, тебе легче станет. Или мне ... этого знать нельзя?..
- Тебе все можно, дорогая моя Тонечка. Да делиться ... кровью ... не хочется. Пусть уж эти грехи так на мне и останутся.
- Почему ты не хочешь разделить их с мной?
- Я же говорю – крови много ...
- А ты думаешь, что я не знаю ... Я же чувствую, что за твоими отлучками ... даже если об этом и не сообщают ... И переживаю еще сильнее ... Ты стал думать, что я слабая?
- Нет. Просто не хотел вешать на тебя еще и это.
- Глупый! Мне же легче будет переживать все вместе с тобой. И исповедоваться у отца Исидора легче – не за тайное подозрение, а за поддержку мужа и незримое участие в делах его.
- Ходишь на исповедь?
- Хожу, Толенька, хожу ... Прости меня.
- Что прощать – права ты. И твоя молитва много весит.
- А я за всех молюсь – и за тебя, и за Гришу, и за Улю, и за Верочку ... Ты думаешь, я не чувствую, чем ты занимаешься? Иногда ...
- И тебя это не смущает, не напрягает?
- Никогда! Я тебе верю, и ты это знаешь. А если я буду все это знать – вдруг, чем и помогу.
- Но все-таки лучше тебе держаться в стороне ...
- Ты слышал о том, что восемнадцать лет творилось в Оренбурге?
- Да.
- Примешь меры?
- Да. Пока думаю, как охватить всех затронутых. Выложить видео в Интернет?
- Думаешь, подействует? Сомнения нет?
- Есть сомнения. Но видео я сделаю – пусть оренбуржцы посмотрят, кто у них в чиновниках ходит.
- Если они занимались этим восемнадцать лет ...
- Все восемнадцать я снимать не буду. А на двадцатиминутный фильм мне пары дней хватит ...
- Через пару дней Свиридов пришел домой рано – его встретила Уля.
- Папа Толя, здравствуй!
- Она поцеловала его в щеку.
- Ты плохо себя чувствуешь? Что-то случилось?
- Здравствуй, милая. Ничего, я пойду прилягу в кабинете ...
- Вид Свиридова так не понравился Уле, что она сняла фартук и тихонько пошла за Свиридовым в его кабинет. Этим она нарушала неписанное правило – без дела, а тем более без стука туда не входить.
- Но она вошла. Свиридов лежал на диванчике, подложив под голову подушку.
- Папа Толя ...
- Уля присела рядом с ним.
- У тебя неприятности? Можно, я прилягу рядом?
- Она пристроилась рядом со Свиридовым, тот потеснился и обнял ее рукой. Уля прижалась к нему спиной и стала гладить его руку.
- Папа Толя ... Успокойся ... Все будет хорошо ... Ты и деда Вася – вот мой папа ... Это тебе я могу все рассказать, посплетничать ... Ну, еще маме Тоне ... Ты не представляешь, как это плохо – когда папы нет ...
- Представляю, Уленька, представляю ... У меня у самого отца не было ... Но после войны у столько папанов отцов не было, что этого не замечали ... А отец так нужен ...

– Значит, мне повезло ... Жаль, я не могу быть тебе отцом – но поверь, я всегда и пожалею, и успокою ... И маме Тоне не разрешу тебя ревновать! А почему ты ей не расскажешь?
– Расскажу, расскажу ...

НОВЫЕ ИДЕИ

Гриша продолжал переписку по Интернету с Даффи, с Мартином Клейнбергом и с директором издательства Мартином Капницером – это была деловая переписка.

А с Густавом Дрейзером и его супругой мадам Женовьевой переписывались и Гриша, и Уля.

С Даффи они иногда обменивались рисунками. С очередным номером журнала со своим рисунком Гриша получил проект договора на следующий год, и в своем ответе Капницеру предложил несколько иной набор рисунков и переслал несколько образцов – он просто заклеивал на страницах старых журналов старые рисунки новыми.

Для этих новых рисунков он использовал портреты подросших за это время детишек – Верочки, Витеньки и других их ровесников. Копии этих предполагаемых страниц журнала Уля послала мадам Женовьеве и получила восторженный ответ.

А Мартин Клейнберг сообщил, что есть некая фирма, предполагающая использовать рисунки Гриши на детских майках, и предлагал свое посредничество. Гриша послал ему доверенность на представление его интересов перед другими фирмами, и не зря – совсем скоро он получил не только солидный денежный перевод, но и посылку с образцами фирменных маек.

И стоило Верочке появиться на улице в такой майке, как все знакомые и незнакомые детишки потребовали купить им такие же. Гриша раздал все майки из посылки и запросил товарную партию – майки в магазине расходились нарасхват, а многие сожалели об отсутствии более крупных размеров.

– Хоть открывай производство! – пошутил Свиридов, а Тоня предложила по заказам выпускать несложные изделия для женщин с их собственными портретами (или портретами их любимых мужчин).

Это чуть не вызвало конфликт с Верой Грачевой – одна из модниц старшего класса явилась на уроки в блузке с портретом своего бойфренда. Чтобы отвлечь мать от школьных дел Ника заказала себе блузку с портретом Владика, но мода тихонько сошла на нет, хотя изделия с рисунками иногда появлялись.

А мадам Женовьева приглашала Улю в гости – одну или с мужем ...

На дачных участках постепенно вырастали аккуратно уложенные связки нумерованных бревен, но пока еще строений было мало – все ждали следующей весны.

Свиридов и Докукин на мотоциклах предприняли попытку пробраться через лес к дачным участкам, но это оказалось не так-то просто – на этом пути они встретили в лесу речку. Она еще не разлилась полностью – основная вода наполняла водоем перед деревней и участками, но все равно речка была трудно преодолима, по крайней мере без моста. Поэтому они вернулись, не пытаясь преодолеть водную преграду. Но по следам копыт установили место, где их новый молодой лесник преодолевал эту речку, и, видимо, не один раз.

– Как, Толя, хороший мужик новый лесник?

– Он еще молодой. Кажется, парень стоящий. Уже девушку из деревни выбрал себе, пожениться собираются.

– Кто она?

– Учительница в младших классах.

– Годится ...

– Дом им поставить надо. Рубленый.

– Скажешь, когда помочь надо будет ...

- А вы с Любой как решили – сами будете ставить дом или закажите?
- Знаешь, мы сперва хотели заказать установку, а потом в гараже мужики посоветовали самим ставить и предложили помощь. Взаимную – некоторые тоже сами решили ставить.
- На отделку пригласите специалистов. И меня не забудь позвать, ладно?

ИКОНЫ

Свиридов еще несколько раз ездил в карельский леспромхоз, поставляющий заготовки для дачных домиков. При этом у него появилось много новых знакомых, в том числе из местных старожилов, и он узнал о существовании в лесу в недалеком прошлом крупного лагеря, заключенных из которого перевели в другие лагеря, а сам лагерь сравнивали с землей.

А еще Свиридов узнал о том, что раньше на месте лагеря стояло крепкое торговое село с богатой церковью, от которой – по рассказам – следов не осталось.

Выбрав свободный день Свиридов ушел на лыжах в лес, а затем в виртуальном коконе поднялся над лесом и отправился в прошлое. И нашел богатое село с церковью. И спикировал туда в настоящем времени.

Огромное пространство леса было свободно от старых деревьев и заросло отдельными, редко разбросанными и кривыми деревцами, резко отличавшимися от окружающего лесного массива. Пространство было неровным – в разных местах были видны небольшие холмики, хотя остатков лагеря видно не было.

Свиридов представил себе, что он видит сквозь землю – и он увидел то, что эти неровности скрывали. Там были остатки от каменных лабазов и церкви. Лабазы и кирпичные первые этажи отдельных домов использовали, и они просто осыпались от времени, а церковь, видимо, взрывали. Он попытался увидеть что-нибудь под горами кирпича, и увидел остатки церковной утвари и иконостаса – довольно скромного, увидел доски икон.

Вернуться в кокон в поселок при леспромхозе было делом одной секунды, и вооружившись киркой и лопатой Свиридов вернулся к холмику над разрушенной церковью. Мерзлая земля и битый кирпич с большим трудом поддавались его усилиям, и тогда он попробовал проникнуть туда, под завал в виртуальном коконе.

И это ему частично удалось, тем более, что сплошного кирпичного завала не было, а в обнаруженной им пустоте он увидел иконы – пригодилось умение видеть в темноте. С трех икон на него строго смотрели глаза изображенных святых, и он инстинктивно перекрестился. А потом осторожно попытался взять одну из икон – это была доска без оклада с изображением, как ему показалось, Николая Угодника. Доска легко отделилась от осыпающейся стены. Так же легко он перенес в кокон еще две доски – на них были изображены женские лики.

Свиридов передохнул, огляделся, зачем-то перекрестил иконы и мгновенно очутился в своем виртуальном хранилище «где-то недалеко от Москвы». И так же мгновенно вернулся в свою комнату в доме для приезжих в леспромхозе. И только сбрасывая куртку и вытягиваясь на кровати он попытался осмыслить произошедшее.

А реставраторы, куда принес доски Свиридов, надолго онемели и, кажется, так и не поверили в происхождение икон.

После очень небольшой процедуры укрепления красочного слоя иконы заняли место в церкви у отца Исидора, а Свиридов заказал для них оклады.

В церкви никто уже не удивлялся появлению Свиридова – на службе или просто так, в свободное время.

Старушки в разговорах передавали друг другу историю появления икон, добавляя, что новый маленький колокол привез тоже Свиридов, и он же договорился насчет обучения молодой девушки-звонаря. Старушки были недалеко от истины, а еще многие из них были просто свидетелями, как Свиридов долго молча стоял перед иконами, после чего крестился, кланялся и уходил, остановившись на выходе, повернувшись и отвесив легкий поклон.

А отец Исидор всегда крестил уходящего Свиридова – в спину, несколько раз, и шептал какую-то молитву ...

БАНЯ

Константин освободился пораньше и зашел в детский сад за Любашей. Детишек еще только начали разбирать, и каждый счел своим долгом повисеть на высоком Косте и что-нибудь ему рассказать.

А потом Люба пошла за старшими в старшую группу и так, вчетвером, они направились домой. По дороге пришлось посетить магазин, и дальше шли увешанные покупками – Люба, Костя, Алина и Антон.

Антон завел с отцом солидный разговор на автомобильные темы, а Алина обсуждала с мамой наличие и количество рюшечек на своем платье.

Свиридов даже окликать их не стал, увидев издалека – уж очень хорошо шла семья.

А недавно они столкнулись в бане – в одной из тех новых бань, что появились в подвале трилистника и сразу завоевали такую популярность, что Жене Кульченковой пришлось, описывая эти бани, отметить – это единственное место в городе, где существует очередь.

Бани под всеми тремя зданиями трилистника сооружали мужики сами, используя привезенные Свиридовым кедровые доски. И такие прекрасные бани получились! Отбоя от желающих не было. Даже Михеич зашел, попробовал, и вынес свой вердикт «царские бани» и принялся учить молодежь банному делу.

Очередь соблюдалась строго, по предварительной записи, и почти не было случаев отказа от сеанса. Многие парились семьями.

Например, Виктор Скворцов с Леной и Виолеттой, все свиридовские «сестренки» с мужьями и детьми, Свиридов с Тоней, Гришей и Улей. Уля сперва смущалась и Свиридов отворачивался от нее, но она очень быстро пообвыкла и перестала прятаться за Тоню или за Гришу.

А тут во время записи рядом появились фамилии «Свиридов с женой и детьми» и «Докукин с женой».

– Костя ... Ты позвони Анатолию ... Я при нем не застесняюсь ...

– А если Тоня меня застесняется?

– Так вот ты ей и позвони!

– Да-а ... Давай попробую.

– Тонечка? Привет! Это Костя. Мы тут с Любашей записываемся в баньку, а тут Толина запись рядом. И моя Любаша ... в общем, она не возражает попариться вместе с вами ... вместе ...

– Знаешь Коля, меня твое присутствие в обнаженном виде, особенно при наличии мужа, волновать не будет. Думаю, что Любаша и Толя придерживаются таких же принципов – это же баня.

– Ну, что, Костик? Что Тоня сказала?

– Нормально. Девушка, объедините нас.

Надо сказать, что сперва сильнее всех стеснялась Уля – она пряталась сперва за Тоню и Гришу, затем за Свиридова, а потом перепутала, за кого прятаться и обнялась с Любашей.

– Любаша, а ты папу Толю совсем не стесняешься?

– Мне Костя говорил, что у них там за границей в сауне все вместе и голые ...

– Точно! Мама Тоня и папа Толя тоже ... говорили ...

– Да и потом мы столько раз перед танцами переодевались рядышком, что он мне совсем как родной ...

А Свиридов вспомнил, что утром однажды вошел в ванную комнату и застал там Улю. На ней были только небольшие беленькие трусики и она чистила зубы. Увидев Свиридова она поздоровалась и накинула на плечи полотенце.

– Извини, Уленька ...

– О чем ты, папа Толя?

Но с тех пор утром Свиридов пользовался туалетом около входной двери – там был просторный душ и удобная раковина ...

В парной им помогала девушка – ученица Михеича: так она стеснялась значительно сильнее остальных, и Свиридову пришлось мысленно «поработать» с ней.

Веники были душистые, девушка орудовала ими умело, Свиридов и Тоня массировали распаренные тела, не различая, кто попался под руку.

– Ой, Толя, как хорошо ... – застонала Люба. – Знала бы раньше, как ты массируешь, давно бы напросилась ...

И потом так хорошо было сидеть, замотавшись в простыню, и потягивать свежий брусничный квас. Любаша и Уля мгновенно переключились на разговоры о детишках, привлекая Тоню по поводу моды, а мужчины вспоминали марки мотоциклов и планировали мотопрогулку в ближайшее выходное – надо же было проложить трассу через лес от города к дачным участкам.

Прощаясь, Гриша спросил у Кости:

– Как ты думаешь, если я попрошу Любу позировать мне обнаженной – она согласится?

– Думаю, она согласится, – ответила Люба.

ГРИША и УЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮТ

Гриша с Улей по приглашению Дрейзеров приехали в Вену и сразу попали на парадный прием, который устраивала мадам Женовьева. Они успели только быстренько принять душ и переодеться, как мадам представила их гостям.

И Гриша, и Уля были в белых джинсовых костюмах производства Тони, но гости восприняли их наряды как крик парижской моды и допытывались, кто из знаменитых кутюрье является автором.

Английский Гриши и немецкий Ули сразу позволили им влиться в круг гостей мадам Женовьевы, и они свободно общались, помогая иногда друг другу в переводе с одного языка на другой.

Уля очаровала общество, в особенности молодых мужчин, но мадам Женовьева тщательно оберегала ее от особенно назойливых ухаживаний. А одного молодого хлыща, который весьма агрессивно обхаживал Улю, она просто отогнала от Ули и пригрозила ему отлучением от дома.

А Гриша, видя такой успех жены, даже немного пожалел, что взял ее в эту поездку. Но вечером Уля, почувствовав настроение мужа, сказала ему:

– Гришенька, если тебе так неприятно внимание, которое мне уделяют эти ухажеры, то давай, я не буду отходить от тебя и буду держать тебя под руку.

– Это неудобно ...

– Но что же мне делать? Ты же знаешь, что кроме тебя мне никто не нужен, а отгонять назойливых мужиков я не умею, да и неприлично это. Что же мне делать?

– Уленька, я верю тебе и знаю, что ты меня любишь. Но иногда бывает так неприятно, когда тебя кто-нибудь ... охаживает ...

– Мне тоже бывает неприятно, когда тебя охаживают девицы ...

– Ну, и что нам делать?

– Давай, в следующий раз я подведу ухажера к тебе, представлю тебя и скажу, что у моего мужа удар с левой вполне профессиональный!

– А я подведу наиболее активную девицу к тебе, тоже представлю, и скажу, что у моей жены достаточно длинные ногти и следы от них так долго не заживают!

Они весело рассмеялись, представив себе подобные знакомства.

Уля целыми днями пропадала в модном ателье мадам Женовьевы, а Гриша в потертом джинсовом костюме блуждал по городу с фотоаппаратом, снимая на память понравившиеся уголки и старинные здания.

В модном журнале редакторы собрались вместе с художниками и все вместе долго обсуждали новую концепцию размещения рекламы и рисунков Гриши. Его переговоры в издательстве тоже прошли успешно, ему на выбор дали несколько книг из перспективного плана для предстоящего издания на двух языках. Пара книг была на немецком языке, и вечером Уля переводила мужу – вернее, она рассказывала ему то, что ей удалось понять из просмотренного текста.

– А ты сможешь потом сделать полный перевод?

– Ну, что ты! Я же очень плохо знаю язык – так, поговорить.

– Ничего, мальчишки смогут, я уверен.

Мадам Женовьева не давала молодежи скучать и выводила их на самые знаменитые театральные премьеры и вернисажы, а потом, дома, после вечернего чая выпрашивала впечатление Гриши и Ули об увиденном.

– Мне это очень важно и интересно! Моя племянница ничего толком рассказать не может, а у вас свежее восприятие и острый глаз.

И Гриша показывал им – Уле и мадам Женовьеве – свои новые рисунки.

Когда Гришу пригласили познакомиться в «собачий» журнал и он показал несколько своих рисунков молодых щенков, то в редакции в него буквально вцепились. И этот визит оказался полезным, и с этой редакцией у Гриши установились плодотворные творческие отношения.

ЛЕНА ДОЛГОПолова

Несмотря на то, что Лена располагала правом randevu со Свиридовым с любое время (а таких сотрудников было немного), она прежде позвонила шефу.

– Леночка, здравствуй! Хороша, мила, неотразима!

– Здравствуйте, командир! Я же стараюсь!

– А ведь и вправду хороша! Как Потап, как Геночка?

– Спасибо, Толя, все здоровы. Геночка жалуется, что редко видит маму. Да и папу тоже.

– Выкраивай время – сыну очень нужно чувство родителей. Ну, садись, рассказывай.

И главный инженер фирмы Елена Геннадиевна Долгополова стала обсуждать с Генеральным то, что ее беспокоило в первую очередь.

Для строительства ВПП (взлетно-посадочной полосы) Свиридов пригласил старого отставного специалиста, и тот ногами исходил все поле, где предполагалась полоса. И исходив все своими ногами и внимательно перевернувшись метеоданные за 20 лет он наметил направление полосы – даже не направление, а некий угол, внутри которого должна была быть полоса.

– У тебя что-то вызывает сомнение?

– Нет, командир. Но полоса пойдет как-то вкось ...

– И пусть идет. Прими за направление середину заданного им угла, и вперед. Что держит?

– Пока держу я. Но проект на утверждение будет готов завтра. Хотя там есть ... сложность

...

– Какая?

– Есть предложение под полосой проложить кабель – получится теплая всепогодная полоса, не обмерзающая зимой. Но это довольно большой объем дополнительных работ.

– Но зато всепогодная полоса – а это очень важно. Надеюсь, ты за?

– Конечно. И летчики меня поддерживают. Пока борюсь с проектантами ...

– Это – мелочи ... Но вот ...

– Что, командир?

– Вот полоса, заход отсюда ... Ангар ... А какую полосу нужно для военного заправщика? Если ее разместить чуть левее ... С выходом в лес – а там метров четыреста подземные емкости для топлива ...

– Объем работ более чем в два раза ... И цена ... И для пилотов, и для охраны помещения ...

– Молодец! Как летчики?

– Есть соображение. Меня поддержал полковник Веденеев. После внимательного осмотра оставшихся от аэродромных служб зданий выяснилось, что два из них вполне пригодны для кардинальной реконструкции с перепланировкой. И это быстрее, чем строить заново. Двух этих зданий хватит на весь персонал, как летный, так и обслуживающий. Правда, мы расширяем и объединяем оба здания.

– А как с проектом?

– Эскизный проект и расчеты готовы, можем показать.

– Делай проект в двух вариантах. Назначай время – посмотрим проектные данные, а потом посмотрим все в натуре. А что с чистыми помещениями?

– Сейчас завершается монтаж специальных систем воздухоочистки, уже готовы целиком две лаборатории на третьем этаже и завершается монтаж на четвертом. Завершаем комплектацию лабораторий аппаратурой и излучателями.

Попрощавшись, Лена пошла к выходу из кабинета, и Свиридов загляделся на ее ладную фигурку, длинные ноги в модных брюках – после «Солнечного» Лена редко надевала юбки и платья.

– Лена, когда будет следующий Потапович?

– Командир, – обернулась Лена, – а работать когда? Но мы ... мы работаем ...

– Смотри, выпорю! Или уволю, чтобы ты на работу не ссылалась ...

– Я испугалась, я учту ...

ПАТРИЦИЯ КААС

ПОХИЩЕНИЕ

Популярность Патриции Каас после ее первого посещения России только возросла, и теперь на ее концерты попасть было просто нереально.

Поэтому Свиридов, оставаясь невидимым в своем коконе, проследовал за певицей в ее гримуборную и дал мысленный приказ гримерше-костюмерше выйти из комнаты.

Певица отложив последние букеты присела перед зеркалом.

– Устала, Пат?

Певица вздрогнула и стала оглядываться.

– Кто? Кто здесь?

Мощным импульсом успокоив ее Свиридов ворчливым тоном продолжил:

– Кто, кто ... Считай, что твой почитатель в невидимом воплощении ... Цветами тебя завалили, аплодисментами оглушили ... А я хочу поблагодарить тебя за доставленное удовольствие и предложить таинственное приключение ...

– Но кто же ты? И где ты? По выговору ты парижанин, но всех своих знакомых парижан я узнала бы по голосу. Так кто же ты?

– Может я чудовище? И меня надо расколдовывать?

Это было сказано так, что певица рассмеялась. Она стирала грим перед зеркалом.

– Но мне надо будет переодеться – ты, что же, будешь подсматривать?

– Вот твоя сумка – как ты ее называешь – аварийная. Тут есть все. Бери в одну руку сумку, а другую протяни мне. Ну, на голос!

– А приключение будет веселым?

– По крайней мере оно будет увлекательным.

– Давай, попробуем!

Певица салфеткой вытерла лицо, взяла из-под стола дорожную сумку и нерешительно протянула руку в сторону голоса.

И Свиридов втянул ее внутрь кокона.

– Ой! – кругом было темно, а за руку ее держал вполне приличный мужчина.

– Почему темно?

– Это для того, чтобы ты не волновалась. Поставь сумку и возьми телефон. Скажи своему импресарию, что свои свободные дни ты проведешь у своих знакомых и что искать тебя не нужно.

– Значит, это похищение?

– Конечно! – и тут вновь стало светло и певица с удивлением оглядывала гримуборную – но совершенно другую.

– Я сейчас выйду, ты переоденешься и мы пойдем в небольшое кафе напротив. Звони и не волнуйся. Я жду тебя!

И Свиридов вышел.

ГДЕ Я?

Певица с телефоном в руке продолжала осмотр – с удивлением она поняла, что ничуть не волнуется, что ей безумно интересно продолжение, и она набрала номер телефона своего импресарию.

Потом была проблема с переодеванием – что надеть? Он сказал – кафе, но кафе бывают разные. Но наконец она решилась и оделась довольно скромно, и открыла дверь.

За дверью она увидела своего спутника с букетом.

– Все-таки без цветов я не смог! Идем?

И он подставил ей руку и она оперлась на нее.

– Как мне тебя называть, мой похититель? И где мы?

– Называй меня Анатоль. А мы в здании концертного зала ...

Они вышли из коридора в гулкий холл, сквозь стеклянные двери которого были видны огни.

– Идем? Не боишься?

– Идем!

Как только они показались в дверях – раздались аплодисменты, люди на ступенях аплодировали, а ее спутник на чистейшем русском языке сказал:

– Певица устала после концерта. Цветы и автографы потом, завтра! – и провел ее сквозь аплодирующую толпу через дорогу к освещенному кафе.

К столику подошли двое официантов – мужчина и женщина, приветствовали ее, и мужчина, подавая ей меню, осведомился на хорошем французском языке о ее пожеланиях.

Столики в зале были заняты, и посетители, конечно, глазели на певицу, но она привыкла к всеобщему вниманию.

Карта вин удивила Каас – выбор был не хуже, чем в Париже, да и меню оказалось не на русском языке, а на английском...

После хорошего легкого вина и такого же легкого ужина певицу провожали ее спутник и две молоденькие девочки, довольно прилично говорящие по-французски.

Выйдя из кафе Анатоль попросил певицу оглянуться – на здании, из которого они вышли, на большом щите висела афиша с ее портретом.

Сзади проглядывала еще одна Патриция – и никакой надписи, только цифры – 12⁰⁰.

– Это что, у меня завтра концерт?

– Не только. Завтра начинаются чудеса ...

ЧУДЕСА НИЧИНАЮТСЯ ЗАВТРА

Девочки проводили ее в уютную комнату в уютной квартире, где она увидела все, что ей было нужно – небольшая кухонька и две очень веселые молодые девочки в соседней комнате. И все, что только может понадобиться – начиная от зубной щетки в ванной комнате и кончая уютным пушистым халатом.

И рано утром ее разбудило солнце, и оказалось, что из прихожей можно выйти на гигантский балкон с цветами в вазонах и близкими деревьями за перилами.

И она устроила пробежку вдоль длинного-длинного дома, и с ней здоровались редкие встречные и еще молодой человек в инвалидной коляске ...

За завтраком в том же кафе Анатолий сказал певице, что ее выступление произойдет несколько позже 12 часов, но Патриция видела, что народ собирается именно к 12-ти.

И Анатолий повел ее в здание и в зрительный зал, и они сели у прохода в третьем ряду.

С певицей здоровались, пытались заговорить, но Анатолий оберегал ее от контактов со зрителями.

И когда зал наполнился, стал гаснуть свет, то за раздвинутым занавесом певица увидела белизну экрана.

И вдруг ...

На экране появилась она! Она пела с микрофоном в руке!

И певице понадобилось несколько минут, чтобы понять – на экране не она, а ее двойник, но поет она, а двойник лишь очень умело повторяет артикуляцию.

– Что это, Анатолий? Кто это?

– Давай дождемся конца, осталось немного ...

Так похожая на нее женщина на экране закончила песню и слегка поклонилась, и певица увидела, что та, так похожая на нее женщина, очень слаба.

А из-за кулисы – там, на экране – вышел Анатолий, что-то сказал той женщине по-французски, и та ответила – тоже по-французски.

Анатолий обнял ту женщину за плечи и когда она опять запела, то он иногда подпевал ей.

Та женщина ответила на аплодисменты изящным поклоном, и ушла в кулису, и было видно, что она действительно очень слаба и что Анатолий поддерживает ее.

И загорелся свет.

– Пойдем! – Свиридов властно взял Патрицию за руку и по лесенке они поднялись на сцену.

Появление их вызвало шквал аплодисментов.

Свиридов поднял руку.

– А теперь дайте мне объяснить нашей гостье происходящее, – обратился он к залу. – Она ведь не знает, что на экране только что она видела своего двойника – Людмилу Бересневу ...

Девочка, нивесть откуда появившаяся рядом с певицей, переводила ей слова Свиридова на французский язык.

– Людмила очень любила французскую культуру, знала язык, мечтала петь, но ... Вот эта съемка, где она очень похоже выступает в роли Патриции Каас, сделана за неделю до ее смерти. Она умерла от болезни крови и ее нельзя было спасти ...

– Как ты считаешь, Патриция, – уже по-французски спросил он певицу – справилась ли эта смертельно больная женщина со своей ролью?

– Да, она справилась. Я даже не сразу поняла, что это – не я.

Слова певицы покрыли аплодисменты – зрители слышали синхронный перевод.

– А теперь ты сможешь спеть любую песню из своего репертуара и тебе будет обеспечен аккомпанемент.

Свиридов показал на занявших свои места музыкантов.

– Но как это возможно, Анатоль? Без нот? Без репетиций?

– Чудеса еще не кончились. Вот твой микрофон.

И перед Каас появилась стойка с микрофоном. Зал затих, замер.

Свиридов отошел к роялю и взял гитару.

Певица в растерянности оглядывалась, раздумывала ...

И она запела, и сразу ее голос подхватила музыка, и через пару мгновений певица уже забыла о своих тревогах, чувствуя, как бережно и мастерски музыка поддерживает ее.

Буря аплодисментов и летящие на сцену букеты цветов.

Новая песня, совершенно другой стиль, такая же мастерская музыкальная поддержка.

Дальше она пела, не беспокоясь о музыкальном сопровождении, и песни отелялись одна от другой только аплодисментами.

Через некоторое время Свиридов остановил концерт.

– Антракт, Пат. Отдохни, твоя гримуборная рядом.

И певицу проводили милые молоденькие девочки, с таким удовольствием разговаривающие с нею по-французски.

В гримуборной лежала ее сумка, и певица даже переоделась, выпила чаю ...

ДУБЛЬ

Для продолжения концерта пришлось дать звонок, и народ из фойе опять заполнил зал, а видеооператоры заняли свои места. Теперь певица выбирая песни из своего репертуара и не волновалась за музыкальное сопровождение.

Она пела и пела, а потом отошла к Свиридову.

– Анатоль, мы не сможем сделать так, чтобы она пела с экрана, а я со сцены? Я постараюсь, чтобы мы совпали. Можно?

– Можно, Пат. Сейчас подготовят экран.

И снова на экране с микрофоном в руке появилась Людмила Береснева, а запели обе женщины – одна на экране и другая на сцене.

И зрители подивились, насколько похожи обе женщины, даже худые пальцы у них были одинаковые.

И во второй песне снова к голосу Каас присоединился голос Свиридова.

И обе певицы – и на экране, и на сцене – ушли в кулису, поддерживаемые Свиридовым.

Зал аплодировал стоя, и Каас пришлось несколько раз выйти на поклон.

А в фойе поставили стол и сидя за этим столом певица подписывала свои фотографии, обложки пластинок, рекламные буклеты и вообще любые бумажки.

– Все, Пат. Хватит. Пошли обедать ко мне домой. Нас там ждут.

– Кто нас ждет?

– Ждут моя жена, мой сын, его жена и моя внучка. И душ, и мягкое кресло, куда можно забраться с ногами ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Весь путь от Дома культуры до подъезда певицу приветствовали, но она отметила сдержанность зрителей. Не было полиции, сдерживающей толпу, никто не лез к ней с рукопожатиями и не пытался с нею сфотографироваться.

В подъезде, куда они вошли, сидел дежурный в военной форме и поздоровался с нею.

Они поднялись на лифте и Свиридов открыл дверь квартиры, и начались знакомства.

– Это моя жена Антонина или попросту Тоня, – представил Тоню Свиридов, и Тоня поздоровалась с певицей на хорошем французском языке.

– Это жена моего сына Ульяна, – и Уля сделала изящный книксен.

– Это ее муж и мой сын Григорий, – Гриша поцеловал певице руку.

– А это наш самый главный человечек, это Верочка. Верочка, не прячься, иди сюда.

Верочка пока рассматривала тетю, прячась за папой, но потом осмелела и вышла, и подала руку певице ...

– Я учу русский язык, – довольно правильно сказала Каас, – можно говорить русский?

– Конечно! А можно мне фотографировать вас?

– Не волнуйтесь, без вашего ведома ни одна фотография нигде не появится!

Свиридов сидел сбоку от певицы и поэтому фотографированием занялся Гриша.

За столом после вина любимой марки певицы Уля сказала:

– Я долго думала, чем вас угостить. Русским блюдом или еще чем-то, пока папа Толя не подсказал мне, что вы очень любите луковый суп. Приятного аппетита.

Певица с некоторой опаской посмотрела на темную жидкость в тарелке и поднесла ложку ко рту.

– О-о! Белиссимо! У вас прекрасно получилось!

И она отломил кусок хлеба от длинного и тонкого батона.

– Багет? И хлеб почти как в Париже!

Верочка долго присматривалась к незнакомой тете, но затем по рукам полезла к ней и стала что-то рассказывать.

– Но я ничего не понимаю, девочка!

– Это ничего. Зато она признала тебя, Пат, за свою.

Певица стала поглядывать на часы и все стали прощаться.

А потом Свиридов исчез, за руку втянул певицу в темноту.

И они очутились в ее гримуборной около концертного зала, откуда они недавно ушли.

Здесь, в полной цветов комнате, Свиридов собрал целую охапку и они сразу очутились в ее гримуборной в Москве, и Свиридов рассыпал кругом охапки свежих цветов.

– Пат, спасибо тебе! Но сказка кончилась. Сейчас войдет твоя гримерша, потом войдет твой импресарио ...

– И мы больше не увидимся?

– Ты хочешь этого? Мы увидимся до твоего отъезда, и потом тоже ...

Он поцеловал Пат в щеку и исчез, и сразу открылась дверь ...

Удивительное дело, но не было никаких расспросов, истерик, газетных статей об исчезновении певицы с догадками о причинах, но зато в прессе появились несколько фотографий, и только певица знала, где они были сделаны.

А на аэродроме к Патриции подошел Анатолий и передал небольшой пакет и привет от членов своей семьи.

В самолете Пат вскрыла пакет – там лежал лазерный диск и несколько рисунков, сделанных рукой мастера и подписанных «Г.Свиридов.»

Диск она смогла посмотреть только дома – это был тот самый концерт с единственным недостатком – нигде лица Анатолия четко видно не было.

– Как жаль, что я не взяла у него адреса ...

И как-будто в ответ она начала изредка получать открытки из Москвы с подписью «Г.Свиридов», а ее сотовый телефон – тот, номер которого знали очень немногие, иногда звонил из Москвы с несколькими фразами на французском языке ...

ОЛИМПИАДА

ЧТО МЫ МОЖЕМ ВЫСТАВИТЬ?

– Анатолий Иванович, опять Громов требует от нас самостоятельности!

– И что? Выставить нечего?

– Мы можем выставить детский ансамбль из лесной школы, наши футбольную и волейбольную команды, пловцов – да и то призовых мест нам не видать.

– Ладно. Список дисциплин, по которым будут соревнования, мне на стол. Ознакомившись с перечнем спортивных дисциплин Свиридов задумался. И позвонил главному физкультурнику города.

– Слушай, во скольких дисциплинах может участвовать один и тот же спортсмен?

– Да в любых – нет там такого ограничения.

– Тогда запиши. Бокс. Борьба без правил. Стрельба по тарелочкам. Стрельба пулевая. Инструментальный ансамбль. Вокал. Танцы. Детский ансамбль. Теннис. Художественная гимнастика. Плавание – стометровка. Прыжки в длину. Метание копья. Пока хватит, может, что еще придумаю.

– А Громов с ума не сойдет? Я же понимаю, что практически все это – вы один.

– Ну, Громову заранее об этом знать не обязательно. И найди мне, с кем можно потренироваться в теннис – я в теннис не играл.

И через день на теннисном корте Свиридов изучал владение ракеткой и виды ударов. Тренировок было три, а под конец последней тренировки Свиридов разгромил своего тренера всухую.

А потом еще потренировался со стеной в качестве партнера ...

НАЧАЛОСЬ

Среди организаций – участников олимпиады в первый раз появилась запись «ЗАТО НИПЦ», на что генерал Громов по телефону сказал Свиридову:

– Вот поднаружились и смогли. Я видел перечень дисциплин, где вы заявили участников – знаешь, впечатляет. Думаю, хоть что-нибудь вы завоюете – хоть бронзу.

– Ну-ну. Цыпляют по осени считают.

Начали с футбола и бега на длинные дистанции. Тут Свиридов даже не стал смотреть – в некоторых футбольных командах негласно играли приглашенные профессионалы, да и среди бегунов он заметил знакомые лица. Поэтому призовых мест тут и ждать не приходилось.

Но вот объявили метание копья и Свиридов ушел переодеваться.

Он бросал третьим. Предыдущие метатели бросали очень ровно, с разбросом в полтора-два метра.

Свиридов вышел в сектор, покрутил копье. Отошел от линии броска, встал к ней спиной. А затем мало кто рассмотрел сам бросок, но копье улетело намного дальше, чем предыдущие. У судей не хватило рулетки и измеряли двумя. После этого остальные участники метания сникли и бросали просто так, для галочки.

Второй бросок ждали с нетерпением, смотрели внимательно. Но копье улетело опять черт знает куда, даже несколько дальше первого броска.

А там уже подготавливали дорожку для прыжков в длину и выравнивали песок.

Здесь Свиридов прыгал последним.

Он разбежался – зрителям показалось, что даже не очень сильно, оттолкнулся и полетел над песком, вытянув вперед руки. А затем сгруппировался, крутнулся вокруг горизонтальной оси и встал на ноги почти в конце песчаной дорожки. Можно было бы и не измерять – он приземлился как минимум вдвое дальше других. Повторный прыжок дал точно такой же результат.

В этот день Свиридов еще обогнал всех в бассейне на стометровке, а вечером в закрытом помещении были назначены соревнования по боксу и борьбе.

– Слушай, Анатолий Иванович, ты, что же, хочешь за всех один отдуваться?

– А что, Борис Всеволодович, это запрещено правилами? А если я универсал?

Боксировать Свиридову было неинтересно. Соперник прыгал вокруг него, размахивал руками, но его удары не достигали цели – почему-то они попадали по перчаткам Свиридова.

Наконец Свиридову это надоело и его соперник получил прямой удар в челюсть.

И упал.

Судья начал считать, но на счет шесть соперник Свиридова встал.

Двигался он значительно медленнее, и Свиридов обозначив удар по корпусу, а ударил его опять в лицо, а слева добавил по корпусу.

Соперник рухнул, а понимающие зрители сразу провозгласили «аут!»

Судья сосчитал до десяти, но соперник подняться не смог, и его унесли секунданты.

По правилам Свиридов должен был боксировать еще с двумя, и этих он уложил опять в первом раунде.

В раздевалку к Свиридову зашел главный судья.

– Анатолий Иванович, вы профессионал?

– В молодости у меня был юношеский разряд кандидата в мастера, но потом я прекратил занятия и получил звание судьи. Можете уточнить в федерации.

А рядом начинались бои без правил, и некоторые из его участников видели Свиридова на ринге и поделились впечатлениями с другими.

– Боксер ... может быть даже профессионал. Аккуратнее, ребята.

Но предупреждение помогло мало. Свиридов протягивал к сопернику руку, тот, защищаясь выбрасывал свою навстречу ...

Свиридов захватывал руку соперника стандартным милицейским приемом и аккуратно укладывал того на помост.

Зрители недоумевали – ну, почему он так легко ложится, даже не сопротивляется!

– А ты пойд и попробуй сопротивляться – он как прессом механическим прижмет тебя, и тебе п...дец!

Поэтому повторных схваток не было.

На стенде для стрельбы по тарелочкам, как всегда, было чинно и неторопливо.

Свиридов расчехлил свое ружье и знатоки зацокали языками – «Benelli» – этот понимает в оружии!

Его не сразу узнали в черных очках под низконадвинутым козырьком бейсболки, а когда узнали, то многие приуныли.

Встав на место Свиридов повесил переломленное ружье на плечо и вскрыл пачку патронов.

И когда подошла его очередь, он зарядил оба ствола, защелкнул ружье.

«Дай!» и только два розовых облачка обозначили место разбитых тарелочек.

«Дай!» – и снова тарелочки даже не успели отлететь подальше.

«Дай!»

«Дай!»

«Дай!» – и несколько франтоватых участников стали чехлить свои ружья.

Перед пулевой стрельбой судейская комиссия проверяла оружие участников и тут белой вороной было оружие Свиридова – обыкновенный российский трехлинейный карабин, правда ухоженный и зачехленный.

Но пять выставленных мишеней Свиридов расстрелял не переводя дыхания.

Движущиеся мишени он укладывал, не давая им пройти и половину пути.

А в тире на его мишени не было ни одной дырки, а была начисто выбита середина.

В бассейне на Свиридова поглядывали – участники с опасением, а некоторые женщины любовались его фигурой, хотя он не особенно выделялся от остальных пловцов.

Но обогнал всех почти на секунду.

На теннисном корте первым против Свиридова выставили мастера спорта среднего возраста, привыкшего и к белой спортивной форме, и неторопливому обмену ударами.

Для начала Свиридов заставил его побегать – он направлял мячи все время в разные участки поля. А когда его соперник окончательно запыхался Свиридов стал «стрелять» – его удары были настолько сильны, что несколько раз соперник не смог отбить мяч. И еще Свиридов умудрялся, отбивая мяч с самой дальней позиции, послать его противнику так, что мяч падал, едва перевалив сетку.

Соперник сдался, а остальные участники просто не стали связываться со Свиридовым.

А в другом зале соревновались гимнастки, и Свиридов все время не упускал своих из поля своего внимания. И поддерживал их.

Наверное, поэтому никому неизвестные девочки завоевывали вторые места.

Все остальные соревнования планировались на следующий день, и Свиридов уже садился в машину чтобы ехать к себе в ЗАТО, когда его перехватил порученец Громова.

– Поздравляю, Анатолий Иванович! – пожал ему руку Громов. – Ты столько наград сегодня завоевал! Только возникает сомнение ... У нас соревнуются, в основном, любители, а ты, выходит, профессионал. Честно ли это, Анатолий Иванович?

– Как сказать тебе, Борис Всеволодович. Ты же сам приставаешь ко мне, чтобы мы поучаствовали в областной олимпиаде. И профессионалов тут хватает – тебе, что, назвать их в твоих командах? А я профессионально занимался в молодости боксом. Ну, стреляю ... так я же военный. В соревнованиях по теннису участвую первый раз – вот ей богу! Чем ты недоволен? Тем, что это все я один? Так у нас нет спортсменов в этих квалификациях, кого же мне выставять? Да и завтра я буду участвовать и в инструментальном ансамбле, и в вокальном, и в танцевальном соревновании.

– И опять всех уделаешь?

– Так поглядим. Твой инструментальный ансамбль практически профессиональный, выступает в Москве, имеет дипломы, среди твоих певцов – лауреаты разных премий. Чего тебе бояться?

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Утром на площадку, где стояли автобусы приехавших на олимпиаду спортсменов, выехали два солидных «Икаруса». И встали рядом, дверь в дверь на расстоянии метра полтора. С одного конца образовавшегося коридора появились мобильные туалеты, а на другом конце – калиточка наподобие садовой и дежурный при ней.

А детишки сразу разбежались осматривать новое место.

Детский ансамбль лесной школы-интерната номер 47 завоевал третье место среди других практически профессиональных ансамблей, имеющих опыт выступления перед зрителями.

Но когда на сцене появились шестеро с гитарами, и среди них зрители увидели Свиридова, то тишина установилась мертвая.

Музыканты начали играть без предварительной настойки, без команды, без счета «раз, два, три» – они просто заиграли как единый инструмент.

А Свиридов запел

У гитары звук
Не такой от чых-то рук,
Как твоих,
как твоих,
как твоих.
И не тронет дух,
Не споеет гитара вслух

От чужих,
от чужих,
от чужих.

Он пел свободно, не напрягаясь, без микрофона.
А гитары пели!

Стоит только мне
Намекнуть, напомнить ей
О тебе,
о тебе,
о тебе.
Как изменит тон
Вдруг она
На нежный звон
В серебре,
в серебре,
в серебре.

Нет, гитары не играли как единый инструмент, они – каждая! – вела свою партию, вплетая свой голос в общий.

Гитара,
запоет гитара,
Запоет и оживет
Все вокруг,
все вокруг,
все вокруг.

А в повторе стали слышны голоса стоящих рядом со Свиридовым гитаристов.
Хлопать стали не сразу, но затем были не просто аплодисменты, была овация.
А где-то там, сзади, какие-то молодые люди что-то орал и оглушительно свистели.
Вокальный конкурс был организован серьезно, как в филармонии.
Все выступали в концертных костюмах и платьях, их выступления объявляли, после выступления каждому вручали букеты.

Один Свиридов выступал в обычном черном костюме – правда, весьма модном.
Дородная и голосистая ведущая объявила.
– Вадим Козин. Танго «Зима». Исполняет Анатолий Свиридов.
И установилась напряженная тишина.

Я увидел тебя впервые,
Когда красавица-весна,
Рассыпав звезды золотые,
Пришла и встала у окна.

Аккомпанировал Свиридову пожилой пианист, много повидавший и много выступавший с разными певцами.

И он с первых тактов понял, что мешать певцу не надо, и лишь ненавязчиво обозначал мелодию.

Ты поглядела ясным взглядом,
Лучистым взглядом серых глаз,
Любовь с весной встали рядом
И вихрем закружили нас.

Голос Свиридова легко перекрывал зрительный зал.

Слушали его все – и те, кто пришел получить удовольствие от классики, и те, кто чувствовал каждую ноту и проверял ее, и те, кто пришел просто так – но слушали и слышали все.

В лучах знакомая дорожка,
Бежит от сердца к сердцу лунный путь.
Мой милый друг, люби меня немножко,
Где б ни был я, ты жди и не забудь.

Жюри и все любители музыки чувствовали, что голос Свиридова не просто легко перекрывал зрительный зал – он буквально летел над залом.

Зима холодным покрывалом
Окутала замолкший сад
И на стене нарисовала
Причудливых узоров ряд.

Свиридов пел не в зал, а обращаясь к кому-то невидимому, присутствующему в зале где-то над зрителями.

Шумит метель, и занесло дорожки,
Но все ж бежит от сердца к сердцу путь.
Мой милый друг, люби меня немножко,
Где б ни был я, ты жди и не забудь!

Аплодисменты были сдержанные, но весьма продолжительные.

А к организаторам конкурса несколько человек подходили с претензией – зачем к конкурсу допускают профессиональных певцов такого высокого класса.

Танцевальные соревнования устраивали своеобразно – каждая пара сама определяла и танец и музыкальное сопровождение.

Пара Свиридов – Докукина и здесь отличилась.

После того, как объявили их выступление, им начал аккомпанировать всего лишь один единственный ударник – но зато свой, из ЗАТО.

И из кулисы отчетливой чечеткой вышел все тот же самый Свиридов и пошел через сцену.

А из другой кулисы навстречу ему тоже очень сдержанной чечеткой вышла красивая женщина, но когда они встретились в середине сцены, то откуда ни возмись заиграла скрипка и они закружились в вальсе.

Но что это был за вальс!

То медленный, задумчивый, то быстрый, искрометный, то величественный бальный ...

Жюри не успевало отмечать, потому что к скрипке присоединился саксофон, а танцы сменяли друг друга – от различных видов танго, румбы, чарльстона до рока.

И все это слаженно, красиво, артистически.

Приглашенная из Москвы пара, не раз завоевавшая призовые места в соревнованиях по бальным танцам, отказалась выступать и сбежала из зала ...

На подведении итогов оказалось, что общее командное первое место по сумме всех видов соревнований завоевала никому неизвестное «ЗАТО НИПЦ», а получать кучу медалей и вымпелов вышли детишки из лесной школы-интерната.

И фотографии ловили моменты, когда все участники олимпиады у «Икарусов» обнимались и целовались со Свиридовым ...

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

Через несколько дней после того, когда эйфория от побед несколько улеглась, Свиридов собрал совещание по итогам прошедшей Олимпиады.

Совещание было организовано в зале Дома культуры, и на нем присутствовали многие из участников Олимпиады, все тренеры команд и их участники, да и просто любопытных было много.

Открывая совещание Свиридов благодарил тренеров и участников команд, поздравляя их с победами или даже просто с участием в массовых соревнованиях, называя чемпионов и отличившихся членов команд.

И никого при этом не забывал ...

– Но необходимо помнить, что некоторые победы завоеваны не совсем корректно, потому что в соревнованиях участвовал лично я. А я могу считаться профессиональным спортсменом в нескольких видах спорта и завоевывал в этих видах спорта призовые места.

В зале прошел довольно громкий гул.

– Не думайте, что это было совершенно случайно. Нет, это было намеренно, потому что многие участвующие в Олимпиаде спортивные организации использовали приглашенных профессиональных спортсменов, и эта практика существует давно. Поэтому я участвовал в некоторых видах спорта намеренно, чтобы предотвратить такую порочную практику на будущее.

Свиридов помолчал.

– А собрал я всех заинтересованных – и тренеров, и сами команды, и индивидуальных спортсменов – для того, чтобы вместе подумать о том, что нам нужно сделать и какие меры принять для того, чтобы наши спортсмены занимали более высокие места ...

После Свиридова выступали некоторые тренеры и спортсмены, выдвигались конструктивные предложения и предлагали организационные мероприятия, и все высказывали твердое убеждение в будущих положительных результатах.

После Олимпиады произошел ощутимый приток молодежи в спортивные секции.

И то, что внешне было малозаметно – увеличилось финансирование некоторых видов спорта, некоторых спортивных школ и секций ...

ГОСПИТАЛЬ

Свиридов почувствовал и обернулся – к нему строевым шагом подходил парень в поношенной морской форме с наградами, и Свиридов видел, что вместо левой руки у него протез. Отдавая честь он негромко произнес:

– Товарищ генерал, разрешите обратиться.

– Вольно. Я слушаю вас.

– Просьба, товарищ генерал, посетить госпиталь для раненых ... инвалидов ... тут недалеко.

– Разумеев! – взглядевшись в подошедшего негромко позвал Свиридов.

– Я здесь, командир!

– Василий Герасимович, пригони мою машину. Захвати мою гитару. Надо съездить. Как вас зовут?

– Мичман Егоров Иван Егорович!

– Садитесь с нами, Иван Егорович – дорогу покажете. Да и расскажите мне о житье-бытье у вас в госпитале ...

Вскоре свернули с асфальта на грунтовую дорогу, а затем дорога стала хуже.

После деревни укатанная грунтовка уходила в сторону, откуда явственно доносился стойкий запах свинофермы, а к госпиталю сворачивала изрядно разбитая дорога.

Госпиталь помещался в строениях, оставшихся от какой-то старой усадьбы, но территория была аккуратно прибрана и огорожена.

В стороне, под деревьями, виднелась кучка женщин ...

Свиридов по давней привычке начал обход с палат тяжелых больных, которые всегда можно было найти по специфическому запаху.

Около кровати, опустив голову, сидела девушка, и держала за руку парня с перевязанной грудью.

– Товарищ генерал, у него осколок возле сердца, врачи бояться трогать ... – прошептал сопровождающий Свиридова мичман.

Свиридов положил ладонь на лоб раненого.

– Так. Тебя как зовут? Люся? Так, Люся, бегом за медсестрой – принесите хирургические ножницы, перекись, стерильные салфетки да тазик какой-нибудь. Бегом!

Девушка Люся поняла не сразу.

– Бегом! Мичман, посмотри, чтобы лишних кругом не было.

– Слушаюсь!

А Свиридов прикрыл глаза, вспоминая испепеляющую жару, полутемную каморку, тучи мух и самого лучшего местного хилера – смуглого паренька с мудрыми глазами.

Они побеседовали вечером и остались весьма довольны друг другом – хилер уважением к нему со стороны много знающего восточного человека, а Свиридов – относительной откровенностью хилера, хотя тот использовал в разговоре много непонятных терминов.

И свое первое присутствие при операции, когда он мог в мельчайших деталях разглядеть и почувствовать все действия хилера, и свою первую операцию, которую ему доверили, и которую он успешно провел под наблюдением своего учителя.

И слова молитвы-заклинания, которая предшествовала операции и завершала ее ...

И еще несколько операций, которые ему доверили ...

Бинты, пропитанные кровью, присохли к ране, и Свиридов обильно полил их перекисью, а уж затем взялся за ножницы.

– Люся, встань в головых и пусть твой друг все время чувствует твои губы ...

Под бинтами открылась звездчатая незаживающая рана с рваными краями.

– Сеня, ты лежи спокойно, больно не будет. Если только щекотно. Потерпишь?

– Потерплю ...

Свиридов провел рукой по ране, а затем внезапно погрузил пальцы в тело раненого и стал так что-то делать. На груди раненого вокруг руки Свиридова выступила кровь – так, в луже крове он что-то делал там, внутри, в теле раненого.

Медсестра была готова закричать, но спохватилась и стала вытирать кровь салфетками и бросать пропитанные кровью салфетки в тазик.

А Свиридов стал медленно вытаскивать руку со сжатыми пальцами и бросил в тазик что-то металлическое, корявое, окровавленное, брякнувшее металлом.

А другой рукой накрыл рану и начал водить по ней ладонью.

– Это твой осколок, Сеня. Корявый, весь в отростках, еще немного и прорвал бы он сердечную сумку. Зато теперь порядок, жить будешь с Люсей долго и счастливо.

Под рукой Свиридова с тела раненого исчезала кровь и на глазах затягивалась рана.

– Перевязывать его не надо, а вот УФО – обязательно. И переливание крови. Слышишь, сестричка? Очнулась?

– Вы колдун?

– Я хилер.

Тут в дверь наконец прорвался главврач.

– Что тут происходит? Кто вы такой? Кто разрешил?

– Тихо, док. Вот кто я, – и Свиридов раскрыл перед носом врача свое генеральское удостоверение.

Врач увидел окровавленные куски марли в тазике и прикрытую одеялом грудь раненого.

– Но рану вы обработали, надеюсь?

– Надейтесь. – Свиридов сдвинул одеяло с груди раненого, на которой не было следов раны, а только более светлая кожа. – Ему требуется переливание крови, можно капельницу с физраствором и никаких антибиотиков. Слышите, никаких!

– Сестричка, отмой осколок и отдай Люсе. А вы пустите сюда всех женщин, что маются у вас во дворе.

Девушка Люся была сама в полуобморочном состоянии и ее пришлось приводить в чувство.

– Мичман, ты особо не болтай. Есть еще похожие случаи? Неизвлекаемые осколки, незаживающие раны?

– Есть, товарищ генерал. Я проведу.

После того, как Свиридов почистил несколько незаживающих нагнаивающихся ран, в коридоре его нагнал генерал Громов.

– Ты и сюда добрался, Свиридов!

– Слушай, Борис Всеволодович, добраться сюда было трудновато. Да и вроде епархия не моя. Но если к завтрашнему дню дорогу к госпиталю не приведут в порядок, то мне придется и за это взяться. Но тогда не обессудь – удовольствий не обещаю.

– Да ты же знаешь, Анатолий Иванович, за всем не углядишь!

– Подбери себе помощников поумнее да потолковее. Глядишь, будет порядок.

Несколько операций Свиридов сделал, окруженный плотным кольцом врачей, и в историях болезни нескольких раненых появились его записи с четкими рекомендациями по дальнейшему лечению.

В этот раз Свиридов спел всего две песни, но он пообещал скоро приехать, да и подметил множество недочетов, которые вознамерился исправить.

Он устроился в центральном холле бывшей усадьбы – отсюда его лучше всего было слышно в большинстве палат.

А на войне,

как на войне.

А нам труднее

там

вдвойне.

Едва взошел

над сопками

рассвет -

Мы не прощаемся

ни с кем,

Чужие слезы нам

зачем,

Уходим в ночь,

Уходим в дождь,

Уходим в снег.

И голос Свиридова, и звонкий голос его гитары были слышны не только на первом этаже – судя по тому, что песню подхватили и на втором, и во дворе ...

Батальонная разведка -
Мы без дел
скучаем редко,
Что ни день –
то снова поиск,
снова бой.
Ты сестричка
в медсанбате
Не тревожься,
бога ради,
Мы до свадьбы
доживем
еще с тобой.

И Свиридову подпевали все дружнее

А если
так
случится
вдруг -
Навек тебя
покинет
друг,
Не осуждай его –
война
тому
виной.
Тебе наш ротный
старшина
Отдаст
медали,
ордена
В разведке
заработанные
мной.

Свиридову подпевали уже кругом, в разных местах

Когда закончится
война -
Мы все наденем
ордена.
Гурьбой
усядемся
За дружеским столом.

И вспомним тех,
кто не дожил,
Кто не допел,
не долюбил
И чашу полную
товарищу
нальем.

Хор голосов, подпевающих Свиридову, крепнул и становился более дружным

И мы припомним,
как бывало
В ночь шагали
без привала,
Рвали
провода,
и брали языка.
Как ходили мы в атаку,
Как делили
с другом
флягу
И последнюю
щепотку табака.

Последний припев прозвучал слитно и громко, поддержанный на всех этажах

Батальонная разведка -
Мы без дел скучаем редко,
Что ни день – то снова поиск, снова бой.
Ты сестричка в медсанбате
Не тревожься бога ради,
Мы до свадьбы доживем еще с тобой.

Громов, главврач, врачи и медсестры стояли в коридоре и молча слушали Свиридова, а тот немного помолчал и после короткой паузы продолжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.